

Мансуров Андрей

16+

Стать Ведьмой. Школа

Тёмное фэнтези

Андрей Арсланович Мансуров

Стать ВЕДЬМОЙ. Школа.

Героическое фЭнтези

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41296372

SelfPub; 2019

Аннотация

Как жаль, что волшебная сказка о Гарри Поттере, да и вообще все произведения о Школах Волшебства – только красивые, но именно – сказки. А настоящая учёба и жизнь мага, волшебника – тяжёлая и кропотливая работа! Убедиться в этом лично приходится героине этой книги – наивно-восторженной вначале и повзрослевшей и переоценившей многое из своих убеждений в конце, самой обычной девушке-студентке земного университета. А то, с чем ей приходится сталкиваться в процессе новой работы – и ужасно, и мерзко, и... страшно! Не сломают ли хрупкую наивную душу испытания реального мира чародейства? Не превратится ли девушка в циничную и бездушную машину?..

Содержание

1.Теория	4
Конец ознакомительного фрагмента.	99

1.Теория

Платье испорчено!

Сердце, почуяв грядущую беду, дёрнулось: будто собака с поводка – завидев кошку, когда банка с майонезом ещё только появилась из холодильника, несомая расчётливой рукой...

Нет, не то, чтобы платье уже вообще носить стало нельзя – можно.

Если предварительно замочить в тазу, не скупясь присыпав новым «всесильным» порошком, а затем, через час, выстирать с этим самым порошком... Высушить. Погладить с отпариванием...

Вот только некогда всё это делать. До начала Бала осталось пятнадцать минут, а только на замачивание нужно хотя бы полчаса. Или час. Потом – стирка. И на нормальную сушилку плотного и тяжёлого стрейтча нужен минимум час. Даже утюгом. Или феном.

А в мокром платье идти – верное воспаление лёгких. Да и всё равно: *того* вида уже не будет!

Евгения привычно сдерживалась, чтобы не кусать губы, и не орать благим матом, как требовала душа. Выглядеть лишь слегка расстроенной у неё получалось «на автомате». А ещё она...

Чувствовала, ощущала эмоции торжества, умело скрытые сочувственно-сокрушёнными «оправданиями» заклятой подруги, наигранно хватавшейся то за лицо, то за грудь:

– Ой, Женечка! Что же я наделала! Какой ужас! Гос-с-поди, как же ты теперь пойдёшь?! Ах-ах, какое было платье! Ну... Давай я куплю тебе другое! Так будет честно!

Боже! Сколько таких гадостей – «укусов», «плевков» и подколок ей уже пришлось пережить за то, по идее, счастливое время, которое зовется детством! В особенности – от «подруг», которые были или состоятельней, или подлей, или просто злобней – похоже, все они инстинктивно чуяли именно в ней наиболее опасную конкурентку. В плане охмурения парней. Которых в Новой Антоновке, деревне, в которую ей приходилось ходить, чтобы учиться в школе, и так кот наплакал. И ненавидели её всем классом.

Уж «девочки» постарались, чтобы и парни обращали внимание на её немодную одежду и китайскую дешевенькую косметику. И намеренно провоцировали её «враждебные» резкие ответы ехидными шуточками. Так, что в последний учебный год она, наученная горьким опытом, лишь презрительно отмалчивалась. Что ошибочно принималось за слабыхарактерность.

Ну а внешность...

Соперница?.. Красивая какой-то непонятной, скрытой пока даже от неё самой, глубинной, *истинной*, красотой? К которой, если предоставить их самим себе, рано или поздно

потянутся все парни, даже самые тупые?

Других причин для ненависти девок-ровестниц она найти не могла.

Ведь она никогда никому не становилась на пути. Во всяком случае, сознательно. Не скандалила. Не подсиживала и не злословила за глаза. Парней не отбивала. Да даже краситься перестала. Поскольку и мать была против «малевания лица». Дескать, изменять свою внешность – это «от лукавого».

Но на этот раз...

Огромная жирная блямба, мерзкое пятно, занимающее теперь, после неудачных попыток «срочно оттереть», а правильней сказать – размазать по всей груди и животу маслянистые потёки, словно бы издеваясь, нагло отблёскивало, отражая бликами свет двухсотваттной мощной лампочки. Разумеется, на спину платья оно уже тоже проступило.

Только что горделивая обладательница шикарного «выходного» платья, а теперь – никчёмной тряпки, лишь огромным усилием воли сдерживала крик отчаяния – знала, что этого только и ждут...

Шишь тебе, мерзавка расчётливая, слёз от неё не дождёшься! У нее была такая «школа злословия», что никому Бернарду Шоу не снилась! Но...

Может, все-таки зря она никогда никому ничем не... Вредила? А ведь могла бы. Наверное, не помешала бы и такая практика. И приобретенный опыт. Циничное презрение к тупым, но прагматичным и злобным, плюс адекватная «ответ-

ка». Расчетливость прожжённой интриганки.

Просто...

Или так уж заложила мать, или она от природы сама такая: «Все люди братья. И им нужно делать только то, что хочешь чтобы и тебе!...»

Но на этот раз...

Платье дорогое. Стипендия маленькая.

Ещё раз оглядев себя в зеркале, Женя, или Жека, как она предпочитала, чтоб её называли, чуть поджала губы. Кивнула. Голос сделала нарочито спокойным. Твердым:

– Знаешь, ты права. *Так* будет честно. Я согласна. На новое платье. Иди, покупай!

– Ой, Женечка, обязательно! – Женя не могла не услышать в тоне соседки по комнате ноток испуга и неприязни: ещё бы, в супермаркет ходили вместе, и платье обошлось недёшево! – Но – давай завтра! А сегодня гипермаркет уже закрыт – я не успею!..

Надежда, Надя, Надечка (мать её!..) дёрнула пухлым веснушчатым плечиком, обнажённым ассиметричной вызывающей кофточкой. Жека промолчала. Надя продолжила:

– Ну, ладно, значит, договорились: это – постираем, и подарим Таньке – вот умора будет! – а тебе я покупаю новое! Только без обид – нет, серьёзно! Я понимаю, что свинья, и что платье уже только в мусорное ведро, но... Так уж получилось! Прости-прости-прости! – попытка чмокнуть в щёку, которой Жека не препятствовала, но и не улыбнулась, как

обычно. Надежда прикусила нижнюю губу:

– Ладушки! Ну, я побежала: мне Максик уже звонок скинул – он внизу!

И точно: айфон подруги мелодично позвенкал. Парень Надежды, стало быть, уже торчит под липами.

Бедняга. Наверное, думает, что «оторвал» ценный клад!

Ну, пусть пока пообольщается: уж Жека-то знает, что из себя представляет её соседка, когда что-то происходит не так, или кто-то просто не желает сделать так, как Надюша *просит*... Или становится на пути к намеченной Цели!

Вот как сегодня стала она. На пути к титулу «королевы Бала».

А ведь всего-навсего выбрала и набралась смелости купить обалденное платье!

Так что только одна мысль о том, что кто-то будет выглядеть на Карнавале лучше, чем она, и сподвигла «Надюшу» на подлость: Жека *абсолютно* уверена – та специально, открывая банку с майонезом, уронила ту горловиной вниз прямо на разложенное на постели конкурентки платье. Она словно прочла мелькнувшую, подобно вспышке молнии в грозовом, затянутом чёрными тучами небе, подленькую мысль. Особенно чётко это ощущалось в последний миг: «Вот, пора!..».

Чёрт!

А ведь так бывало иногда – Жека *видела* то, что собираются сделать другие люди. Нет – не видела. *Предвидела!* Слово... Да, словно читала как бы их... мысли. Намерения.

Может, по жестам? Микромимике лица? Тела? Как в сериале «Солги мне».

Но ведь не докажешь, что соседка сделала это нарочно: сразу из лживого, и растянутого в хищном оскале злорадно-довольной улыбкой, жабьего рта, полились тысячи оправданий, что банка «запотела», да и «кровать стоит неудобно – как раз у холодильника».

Ну да: три шага – это как раз «у!...»

Вспоминая, как хищно кривились уголки губ соседки, когда она ещё и растёрла пятно тампоном из марли со стиральным порошком в безобразное не пятно даже, а – пятнище, Жека дёрнула щекой: никакого сомнения в злорадстве Надюсика у неё не осталось! Тем более что банку с остатками майонеза она сразу запихала обратно в холодильник, куда тут же отправились и нарезанные якобы «для перекуса» куски белого батона.

Жека заставила себя оторвать взгляд от захлопнувшейся двери, и перевела его на потертый чемодан, край которого всё еще торчал из-под её кровати.

Нет, в том убогом арсенале, что она привезла для «покорения» Ивановского Универа, ничего подходящего для «убийственного» прикида не имелось.

Скромненькие платица из ситца, которые столь любила её бабушка, и строгие чёрные юбки миди, с неизменными белыми кофточками в рюшечках, предпочитаемые матерью, для отвязной атмосферы Маскарада ну никак не подходят!

Даже если их порезать полосами, и выкрасить масляными красками в абстрактные пятна и полосы, как ей уже предлагали на Курсе.

И вот она, дура бесхребетная, и осталась опять одна!.. Весь поток будет веселиться и танцевать, скорее всего до утра, а она...

Она опять останется сидеть, а затем и лежать на кровати. И, кусая губы, зубрить фигню из конспектов. Или, глотая слёзы, представлять, какого парня она могла бы постараться сегодня...

Беспомощно вскинув руки к потолку, посылая про себя на голову «подруги» все мыслимые и немыслимые кары, она застонала. Ладони, опустившись, закрыли лицо. Худенькие плечики затрясло в судорогах так долго сдерживаемых рыданий.

Кровать... Где ты?

Подушка восприняла поступление очередной порции горячих слёз спокойно.

А ещё бы – ей-то что сделается! Это в головке той, что ночует на ней, проносятся сейчас Океаны сожалений и Моря сетований... Что было бы, если бы не!.. И как хорошо было бы, если бы ОН заметил, наконец, её – ну, пусть не совсем Золушку... Но ведь где-то близко к этому! Жаль, не приедет к ней сейчас на карете из лунного света Фея-крёстная.

Впрочем, феи-то обычно... Стараются помогать тому, кто и сам себе!..

О!

Что это за *мысль* только что ей!.. Не упустить бы!

Желание реветь сняло как рукой.

Она села. Да-да, вот это самое! Отлично выглядят! В меру воздушно... И растрёпанно! За работу!

Она вскочила: волна адреналина затопила сознание! Значит, подруга не хотела, чтобы она выглядела круче неё?! Так вот ...рен же этой с-сучке! Она не сдастся! И, наконец, впервые сделает кому-то *назло*!!! Хватит позволять вытирать о себя ноги! Пора показать зубки и характер. Нет карнавального наряда? Так будет! На что ей мозги?!

Подбежав к стулу, она придвинула его к гардинам: ага, отлично! Отстёгивается!

Когда тюлевая занавесь оказалась в руках, Жека, невольно морща нос, поразилась: боже, сколько пыли! Куда смотрит комендант общаги!

Впрочем, она знает, куда он смотрит. Причём – каждый вечер. До магазинчика, где днём официально, а ночью – из-под полы торгуют дешёвым красненьким – пара минут... Поэтому после одиннадцати в маленьком замкнутом мирке Общежития наступает «разгул демократии»!

Вот только впускать тех парней, кто согласился «подождать снаружи» для более «тесного» знакомства приходится через заложённое кирпичом до половины высоты окно прачечной – тоже, если разобраться, эпический подвиг! Не каждый даже мужчина отважится. Трезвым. А уж в обычном со-

стоянии – только чудо может позволить забраться вовнутрь с первой попытки! В «активе» окна уже имеется пара-тройка сломанных рёбер, две руки и нога! Про разбитые лица, поцарапанные руки и содранные коленки можно и не говорить. А уж порванных брюк и джинсов – десятками!..

Но подобрать ключи к надёжным ветеранам – амбарным замкам, которые дядя Петя, как все кличут Петра Степановича, навешивает на мощные запоры изнутри, доверяя охрану парадного и чёрного входов, когда «смотрит», ну вот никто до сих пор так и не смог!

Пока все эти воспоминания проносились в голове, Жека упихивала содранную с окна занавеску в тазик, поставленный на дно ванны с, кажется, века назад облупленной и потрескавшейся эмалью.

Вот зар-раза, не входит в таз в сухом виде. Ах, вот ты как со мной!.. Ну погоди же!

Она притащила все три пузырька, и стала поливать чёртову негнущуюся тюль, как выражалась их преподавательница по Дизайну, «в чисто произвольном порядке».

Всё-таки чернила – гениальное изобретение!

Не прошло и минуты, как перед ней оказалась «продвинутая» тряпка неопределённых сине-красно-зелёных тонов. На общем выгорело-желтоватом фоне. Отлично! А теперь вернём тряпку на окно. А само окно – откроем настежь! Обе створки! Оно на третьем этаже, и гвозди для «предотвращения провокаций и неприятностей», путем приколачивания

створок к косякам, как сделано на первом, не применялись!

Правда, на то, чтобы повесить занавесь сушиться обратно на зажимы, ушло минут пять. И белая футболка, что одета сейчас на ней, слегка извазякалась... Ничего, терпимо!

Это же – футболка.

Займётся-ка она теперь собой!

На то, чтобы поднять и зафиксировать волосы в стоящую дыбом пышную копну, ушли остатки лака из её баллончика, и весь почти непочатый баллончик Надюсика. Ничего – мстительно ухмыляясь во весь рот, подумала Жека, – она «купит подруге новый!»

Ну, или хотя бы пообещает...

Чтобы столь сложная конструкция не развалилась преждевременно, она завязала пока вокруг снопа пояс от любимого ситцевого платячка. Ничего – для *такого* можно пожертвовать! Подумавав, отрезала и шнур от утюга. Отрезала от него вилку. После чего оказавшуюся в руках «пёструю ленту» уложила вокруг цветастого пояска, и пришпилила невидимками и заколками. Что там в зеркале?

У-у! Отпад! Вылитая ведьма.

Ну погоди же, Надюсик, она *станет* такой и характером, а не только внешне!

Чёрные колготки в крупную клетку (Если честно, не думала, что одеть их когда-нибудь отважится!..). Вот уж здесь её «тощие и кривоватые» ножки подойдут как нельзя – образ получится куда «достоверней»!

Теперь – красные туфли-лодочки, без даже крохотного каблочки. Красная кофта-батник. Ах, в ней маленький вырез? Ничего – сейчас будет большой!

После того, как она отложила портняцкие ножницы, её вырезом оказался бы, мягко говоря, недоволен, любой пури-танин, или моралист-ханжа, вроде Химика, вечно шпыняв-шего тех студенток, что приходили на занятия в совсем уж мини, и всю дорогу твердящего про «жигы», как он называет жиры, и свободные радикалы...

А посмотреть бы на арестованных. В-смысле, не-свобод-ных. Радикалов.

Не-е-ет, парни у них в Иваново уж точно не радикалы. И не занудные ботаники, или моралисты! Значит, нужно по-мочь им. Лучше увидеть. Потому что её упругая грудь кра-сивой формы – именно то, чему даже сволочь Надюсик по-стоянно завидует.

Осталось выкрасить ногти в ярко-алый пополам с чёрным, и наштукатуриться самой.

Подумав, она покрасилась агрессивно и гротескно, нама-зав чёрным на добрый сантиметр вокруг собственно глаза: так, как красились девчонки из Средней Азии, чтобы хоть как-то увеличить крохотные от природы щёлочки.

Безвкусно, глупо, зато – в стиле «Клеопатры»! Той, ста-рой, классической – с Лиз Тэйлор! А если встретится под-выпивший (Ну, или сильно близорукий!) парень, так вообще не поймёт, что это – не глаза, а толстый слой теней, заполня-

ющих всю глазницу!

Супер. Эти карминно-красные раны губ, томно-вызывающий, слегка призывный взгляд, нарисованная мушка над верхней губкой... Преувеличенно розовые щёки на фоне белого от пудры и муки лица. Но главное всё же – безумный блеск в экзальтированно-отчаянных, и словно действительно жутко увеличившихся, бездонных, глазах!

Ну Ведьма в чистом виде!

Она вытащила из потайного кармашка чемодана то, что давно стеснялась одевать даже под джинсы – воздушно-кружевные чёрные трусики. Подойдёт!

На то, чтобы наживую, прямо на себе, пришить к трусам и колготкам собранную не то в облако, не то – в спасательный круг, тюль, ушло непозволительно много времени: минут пятнадцать! Зато получилось крепко – так, как она старалась делать всё: на совесть!

Показав самой себе в зеркале остренькие белейшие зубки, она сжала кулачки: поберегитесь, девки! Она уж постарается вам доказать, что зря её считали безнадёжным синим чулком, и затюканной зубрилой!

Чтобы нахлынувшее приподнятое настроение не рассосалось под воздействием ненужных сейчас «правильных» мыслей и вдолблённых с пелёнок правил «хорошего» поведения, она смело отхлебнула три – Бог троицу любит! – немаленьких глотка из хранящегося в дверце холодильника «НЗ» – почти непечатой бутылки «Смирнофф».

Тьфу – гадость! Обжигающая и отдающая привкусом си-
вухи... Если это – «Смирнофф» – то она – маркиза Помпа-
дур!

Зато через полминуты ей хотелось не то, что на Маскарад
– а вообще в вечернее Небо! К настоящим чертям и ведьмам!

Завершающий штрих: она знает, где у дворника дяди Гри-
ши, каждую субботу помогающего дяде Пете «смотреть»,
хранится метла – в каптёрке на первом этаже!

Не сказать, чтобы её появление прошло незамеченным...

Потому что она специально дождалась паузы между пес-
нями.

Особенно приятно было ощущать себя пупом Вселенной,
когда она, манерно вихляясь, прошла через весь зал, меж-
ду как-то сразу прекратившими танцевать и глупо ржать и
ущиряться девками, и остановившимися, глядя на них, а за-
тем и туда, куда устремились все взоры, уже в большинстве
тёпленькими, парнями.

Да – она знала, что в первую очередь «офигеть» должны
именно девки! Для них она и оделась! Как, впрочем, и все
они... (А для парня куда интересней, когда девушка разде-
вается! Вот такое вот – циничное, но прагматичное наблю-
дение!)

Все эти дебилы стюардессы и морячки в драных тель-
няшках, безвкусные пресно-блондинистые «куклы Барби»,
Бабы-Яги и «медсёстры» расступались, а «мафиози», ков-

бои, сантехники, и черти в облегающих чёрных трико пооткрывали рты от зависти.

Ну, или вождедения!

А неплохо получилось, мать их ...тти! Тем более, она появилась из проёма дверей с громким свистом! (Вот уж спасибо голубятникам родного села – научили!)

Развешенные по стенам гирлянды и мигающие плети светодиодов она проигнорировала – хотя где-то глубоко отметила: а здорово красиво! Обвесили на совесть!

Вперёд!

После триумфального проноса играющего влево-вправо, и как бы живущего самостоятельной жизнью, зада, до дальнего торца зала, где на возвышении торчали колонки и остальное электроорушее добро, ей осталось лишь треснуть метлой Васю-диджея, и заказать, да таким визгливым, «ведьминым», голосом, что мужики стали морщиться:

– А ну-ка! Мою любимую – «Мама-Люба-Давай-Давай-Давай!..»

Прыщавый Вася поморгал пьяненькими близорукими глазёнками – видать, не понял, кто это... Но, когда она замахнулась уже черенком, всерьёз оскалив остренькие зубы и сощулив злые глаза – заказанное старёе как-то очень быстро нашёл и включил!

После этого осталось только выйти на центр танцпола, и действительно – дать!

Первые полминуты ей, несмотря на до сих пор «пльву-

щую» голову, было всё же страшновато – все настороженно тарасились, шушукаясь, и почёсывая в затылках, (это мужики) и злобно щурясь и шипя что-то друг другу на ушко, (это – «девочки») поражаясь тому, чего не каждая стиптизерша отважилась бы проделать с чёртовой метлой...

Затем произошло чудо!

К ней присоединился Пират в кожаных сапогах, повязкой на якобы выбитом глазу, и даже засунутым за широкий кожаный пояс старинным пистолетом (Не иначе, открутил от декоративной панели сувенира!): «парень её мечты» – Сергей Савченко, главный механик на Комбинате! На которого целились, облизывались, про похождения которого сплетничали, и за которым, несмотря на достоверность сплетен, бегали, вождедея и чуть ли не локтями расталкивая соперниц, буквально все девки их Универа, Комбината, и просто – района!

– Вася! Поддай жару! – после этого требовательного крика Сергей уже не сводил восхищённо-удивлённого взора с её... Хм... Оказавшейся почти открытой взорам всех похотливо облизывающихся экзотически одетых (или – полуодетых) кобелей, груди. Ну и, естественно – попки...

А пускай их!.. От плотоядных взглядов её не убудет!

Однако поскольку против лучшего каратиста местной Секции боевых искусств неписанный закон нарушать никто не посмел, Сергей, «застолбивший» первым столь очаровательную Ведмочку, облизывался с наибольшими основани-

ями! Но пока прыгал и извивался от души – под стать ей. Наконец, «мамалюба» кончилась.

Вася, не медля ни секунды, (Понял, что пьянка-гулянка пошла нешуточная!) запустил медляк. Сергей, заметивший, что она теперь не знает, куда деть ставшую вдруг лишней метлу, схватил за ворот пиджака какого-то «офис-менеджера»: «Ну-ку, поддержи! Да смотри – чтоб была в целости!» А молодец. Быстро сориентировался, и нашёл выход...

Но вот он разворачивается к ней:

– Госпожа мерзейшая из всех ведьмочек, разрешите пригласить вашу милость на?..

Ух ты, как изысканно этот избалованный женским вниманием гад умеет выражаться при случае!.. А может это и правда – основная составляющая его обаяния и шарма?.. Ведь женщины – «ушами»!..

Но поскольку именно об этом моменте торжества над сучками-конкурентками она втайне и мечтала, только огромным усилием воли удалось не завопить сразу: «ДА!!! КОНЕЧНО!!!», а томно проворковать, стрельнув в него исподлобья не раз отрепетированным «убойным» взглядом:

– Н-ну, хорошо... Я... Разрешаю. – ух ты, его проняло! Он даже сглотнул.

А уж как нежно и далеко от себя он держит её тоненькое тело...

Нет, так не пойдёт.

Она сама, с судорожным и многообещающим вздохом,

прижалась к нему, да так, что перехватило дыхание, охватив тоненькими ручками мускулистую шею, словно это – ее спасательный круг в штормящем море... Хотя, в-принципе, так и есть, конечно.

А что – оказывается, дурацкая занавеска очень даже прекрасно сминается, превращаясь буквально в лоскут, не мешающий ощущать его отлично накачанные ноги, пресс, и... интересную выпуклость в районе ширинки. Хм... Не перестараться бы. Но и скромничать хватит!.. Сейчас ей даже было наплевать, что, подмявшись книзу спереди, её умопомрачительная «юбка» автоматически задралась сзади, открывая взорам всех облизывающихся самцов, и исходящих желчью стервоз, как раз то место... Откуда растут её «пикантные» ножки!

Однако Сергей вёл себя по-джентльменски – ну так Пират же!

То есть – галантен, как в XVII-м веке! – и не водит, вожделенно сопя, потными руками по её спине и ниже, а лишь осторожно придерживает. И смотрит, смотрит, не отрываясь, в самую глубину её души сквозь гротескно покрашенные, но выразительные и глубокие, бездонные (Она знала!) глаза...

Лишь после второго, последовавшего сразу за первым, медляка, когда она уже чуть отдышалась, и позволила напряжённым мышцам спины расслабиться, сексапильно выгнувшись, он галантно же пригласил:

– Сударыня! Не соблаговолите ли позволить чем-нибудь

угостить вас? Может, стакан сока из зелёных жаб? Или коктейль издохлых крыс и пауков?

Она невольно прыснула:

– Было бы неплохо! И ещё с толчёными сушёными мухами! Солёными, конечно... Но если честно, стакан черносмо-родинного сока для «леди Майская ночь»... Предпочтительней! – ух ты, какое заковыристое слово она смогла выудить из памяти! Не иначе, «Смирнофф» стимулирует подкорку! А горечь унижения – изобретательность!

Он торжественно предложил руку. Она с царственной грацией опёрлась, и они, провожаемые завистливыми и ненавидящими взглядами, «проследовали» в буфет.

Бармен Саша, лишь взглянув на Сергея, уже схватился за микшер, и сбил что-то из не то апельсинового, не то лимонного сока с коньяком, запустив по стойке точно в огромную ладонь, ловко остановившую движение приземистого стакана. Из него пахнуло приятным пряно-ванильным ароматом, который ещё больше вскружил буйну головку...

На неотразимую Ведьму, приподняв брови до прямо-таки опасных пределов, Саша восхищённо выпялился, сходу приняв условия игры:

– Госпожа наиведьмейшая из всех ведьм! Рад приветствовать в нашем скромном барда... э-э... Вертепе! Чего-нибудь освежающего?

– О, да! – она похлопала ресницами с полукилограммом туши, – сок, пожалуйста!

– Черносмородиновый! – поспешил уточнить пират, уже успевший растолкать и оттереть от стойки парней в костюмах менеждеров, тарзанов и ковбоев, безропотно отступивших не столько под его локтями, сколько под убийственным видом его спутницы.

И вот они уже сидят на высоких стульях у бара, и потягивают свои напитки, снова загадочно глядя друг другу в глаза... То, что не пялился на её ноги лишь бодро отблёскивающий разноцветными лучиками на потолке, дискотечный шар с осколками зеркал, парочку не смущало. Жеку даже наоборот – бодрило.

Не часто она позволяла себе... А жаль! Ножки-то у неё на самом деле – хоть куда! Куда там коровятистой Надьке, или даже призовой охмурительнице Таньке!..

Санек перенёс активную деятельность по смешиванию-разливаю на другой конец стойки. Галдёж, стук и звон возобновились. Музыка снова орала что-то зажигательное. Однако она знала, чуяла волосами вспотевшего затылка и шеи: нет-нет, да и притягиваются взоры всех парней в зале туда, где сидит «мерзейшая из всех ведьм!». Что не может не злить остальных, знакомых и незнакомых конкуренток. Ха!

Но им двоим это нисколько не мешало. Ощущение волшебной сказки окутывало её, словно верблюжье одеяло – мягко и невесомо!..

Наконец Сергей, с лица которого всё не сходила слегка обалдевшая улыбка, покачал головой:

– Знаешь, я вначале тебя вообще не узнал! Думал, может, заезжий кто – случайно пожаловал в гости к родным, да и забрёл... Жека! Отпадно! Нет, в натуре – блеск! Я прямо чую, как остальные наши дебилы пялятся и облизываются – всей... э-э... То есть – спиной чую!..

– Спасибо, Сергей! – не могла не улыбнуться она. Но...

Почувствовала, как под действием кисло-сладкого сока и его пронзительного взгляда её опьянение и экзальтация от собственной смелости постепенно рассасываются, и остаётся подлинная она: маленькая неопытная девочка, выкинувшая фортель, а сейчас опасаящаяся за последствия... Как бы мама не наказала! И «подруги» не заклевали!

– Знаешь, мне очень приятно, конечно, что все придурки и суч... э-э... девочки пялятся. Но если честно, я так никогда бы не оделась, если бы не испорченное платье!

Он рассмеялся – просто и весело. Взял её ладошку огромной лапищей. Сверху накрыл второй. Но – не сжал, а лишь чуть сильнее обычного мягко пожал:

– Ты – умница! Я уже знаю про платье. Твоя сучка (Так всё же правильной сказать про эту «девочку»!) соседка не могла не «похвастаться»: так что все остальные... «девочки» уже успели позлопыхать... А теперь – поражены! Тем, что ты осмелилась – да-да, осмелилась! Чтобы решиться на *такое* – нужна вот именно смелость!

Она ощутила, как забилося крошечное сердечко там, за «смелым» вырезом. Телу стало вдруг так жарко: она чувство-

вала, как краска заливает лицо, начиная со лба, и переходя на шею и... Ниже. Но он приблизил её ладошку ко рту, и нежно чмокнул:

– А ещё ты очень мило краснеешь! И хочу тебе сказать сразу: других, может, ты и шокировала, и даже где-то обманула. Но я вижу, что ты – очень ранимая и неиспорченная! Даже в этих бесподобных трусиках!

Она... Рассмеялась. Ей стало действительно легко и весело: он не пошлый хам или похотливый кобель... А обычный парень. С юмором. Наверное, до того, как пошёл в кружок китайской борьбы, тоже страдал от... Того же, от чего и она. «Излишней скромности!» И «притеснений». Поэтому сразу и понял всё!

Она отхлебнула ещё сока, и весело глянула на него сбоку, чуть повернув голову:

– Сергей! Я знаю, конечно, что ты – известный сердцеед! Можно даже сказать – профессионал! И я вполне понимаю девчонок, которые буквально штабелями... Но можешь не стараться: меня ты покоришь ещё полгода назад – ты тогда просто посмотрел. Даже не подходил, не намекал...

Просто – *посмотрел*.

Она почувствовала, как несмотря на кажущуюся банальность этих слов, его ладонь напряглась, и покрылась мурашками. Что это? Смущение? Он – смущён?!

Взгляд, которым он продолжал смотреть ей в глаза, посерьёзней. Но паузу он прервал только через полминуты, по-

казавшейся ей вечностью:

– А я отлично помню этот момент. Ты выходила из Универса с соседкой, этой ... Ну, словом, Надюсиком... Я стоял под дубом у фонтана – ждал кого-то... Кого – уже не помню, а вот твой взгляд запомнил. Не хочу врать: я не подумал ничего типа «О! Какая девушка! Она должна стать моей! Единственной! Суженной!» Нет, такого не было.

Но *что-то* в тебе точно есть! Когда смотришь, вот, как сейчас. Нет, серьёзно, сразу мурашки бегут по коже, и становится ясно – ты уж извини! – что ты не от мира сего... Больше, чем – *просто Девушка!* Уж поверь – *это* есть не у каждой.

И вот ещё что...

Хочешь, чтобы то, что в тебе *есть*, проснулось полностью?

Она почувствовала странную робость. Такого ей ещё никто не говорил.

Но сама-то...

Да, она знала, что не такая как все.

Мать, когда отчитывала её за какие-нибудь проступки или шалости, никогда не... Била её. Даже не шлёпала. И даже в глаза старалась не смотреть.

Почему?!

Вначале она даже думала, что – приёмная. Что мать взяла её из детского Дома.

Однако годам к тринадцати, когда у неё началось пере-

рождение, и произошла первая менструация, лицо в зеркале однозначно показывало: нет, никакого детдома. Она – родная! Плоть от плоти, кровь от крови.

Просто – нелюбимая. Вот Машка, младшенькая – любимая. А она... Нет.

Сергей, молча наблюдавший за тем, что творилось с ней, очевидно, понял, что что-то не так. Что он, вольно или невольно, задел больную струну в её душе. Он встал:

– Идём-ка. Я... Должен кое-что тебе показать.

В старом парке оказалось только несколько парочек, хихикавших и повизгивающих по скамейкам и кустам – летняя ночь использовалась веселящимися по полной!

Они быстро прошли в дальнюю, ещё не обустроенную местной Администрацией, полузаброшенную часть парка – к павильону, где раньше размещался аттракцион «Кривые зеркала». Здесь не было скамеек и деревьев. Наверно поэтому вокруг и не оказалось никого. Ещё бы – слишком всё открыто, травы и кустов нет, а всё больше кучи строительного мусора, да ямы. Да и дорожки вокруг из гравия – неудобно!

Сергей отпер амбарный замок на створках своим ключом. Ого! Откуда у него ключ? И для чего?..

Что он делает тут, в пустом и гулком помещении, куда позвал её?

– Встань здесь, в центре. Закрой глаза. Успокоилась? – он видел, что она чуть ли не дрожит – ещё бы! Страшно! А ещё

очень стыдно. Сознаться, что она, хоть и страдала по нему, и готова была к...

Но – стеснялась! Того, что всё ещё девственница!

Хотя и непохоже было, что он привёл её сюда для банального секса...

– Закрыла? Хорошо. Не бойся. Отдышись. Постарайся стать... Серьёзной. Ну, такой, как всегда. Думай, например... Что тебе нужно сделать занудную, но – нужную работу. Да – работу.

Она... подрастерялась. Затем попробовала сделать так, как сказал Сергей. Хм-м... ну, предположим, ей предстоит очередной зубрёж перед зачётом. По той же химии...

– Вот так, да. Теперь скажи: «Я здесь и не здесь. Я везде – и нигде. Я – в Авалоне!»

Хмыкнув (Про себя!) она медленно и торжественно, как чуяла, он хотел, произнесла, словно это было неким волшебным заклинанием:

– Я здесь... И не здесь. Я – везде и нигде. Я – в Авалоне!

Почему-то вдруг пропал шум, до этого доносившийся сквозь стены и окна павильона со стороны Дома Культуры. Запах пыли и давно не проветриваемого пространства пустующего помещения тоже исчез.

Вместо этого пахло какими-то цветами. Розы? Нет, похоже, магнолии. (Нюхала она их как-то в оранжерее жены Председателя. Их сельсовета...)

А ещё почему-то пропало ощущение, что Сергей стоит рядом. Да и глаза... Не-е-ет, вокруг уже вовсе не темно!

Сквозь плотно сжатые веки она ощущала, что снаружи – и светло, и тепло. Гораздо теплей, чем было только что.

Но почему он молчит? Что случилось?

Она решила глаза открыть.

Гос-с-поди!..

Сквозь чистые – замечательно отмытые! – окна пробивалось ярчайшее солнце!

Она стояла в центре круглого павильона, вроде, несколько не изменившегося, но...

Но это – был *не тот* павильон!

Она поняла, что произнесённая фраза действительно сотворила Чудо.

Она – в *другом Мире*! Быть может, даже на другой Планете! Ну, или, если верить тому, что там болтают фантасты – в «параллельной Вселенной»! И...

Авалон?! Она до этого не задумывалась, но вроде это... Страна эльфов?!

Ну и что ей теперь делать?! Как вернуться?! Вот уж «погуляла» так погуляла...

Нерешительно она шагнула к двери. Та оказалась не заперта. И вот она...

В саду.

Но Боже – что это за Сад! Она задрала голову.

Тень дают цветущие акации, и... Каштаны. Значит, она

всё-таки – на земле? Или...

Пышные и огромные (В её рост!) кусты роз. Причудливые изгороди из вечнозелёных кустов. Вон стоит приземистая магнолия: усыпавшие её, словно огни в окнах – Новогоднюю ночь, белые бутоны и распутившиеся звёздочки цветов перебивают все остальные цветочные тона. А вот и тюльпаны – красные, фиолетовые и желтые головки побольше её головы! А это – скромная низкорослая лаванда в голубых точечках соцветий...

Как это сделано – что всё цветёт одновременно?!

Нет, определённо – дома, и не в теплице – такое невозможно!..

Где же она?..

Между кустов и деревьев появилась фигура: кто-то шёл по тропинке, от того, что раньше было Домом Культуры, а сейчас превратилось во что-то вроде древнегреческого Храма, с чёткими пропорциями, и великолепными белыми стенами и колоннами.

Приблизившись, фигура оказалась невысокой женщиной в простом белом платье, и с пышной (но, конечно, не настолько, как у неё...) причёской из медно-медовых волос.

– Здравствуй, Евгения. Не сильно испугалась?

– З-здравствуйте. Н-нет, не сильно... – она и правда не испугалась. Поздно бояться, когда по уши вляпалась! Ох, Сергей, ох, фокусник! Куда же это он её?..

– Ну и отлично. Ты в Авалоне. Идём. Я провожу тебя

к Главному управителю, и он тебе всё расскажет. Почему ты здесь. *Кто ты*. И что сможешь делать дальше...

– Спасибо. А вы... кто?

– Я – Маддалена. Если останешься здесь, первое время я буду твоей... Кураторшей.

– Кураторшей?..

– Ну да. То есть – если у тебя возникнут вопросы, я постараюсь на них ответить. И помочь. Устроиться. В-смысле, обустроить твой быт. Здесь.

– Спасибо... А что – я могу и не остаться? То есть – смогу вернуться домой?

– Конечно! Домой ты сможешь вернуться в любой момент! Или можешь выбрать *это* Измерение, как базовое. Как можешь выбрать и Йотунхейм, или Валгаллу, Аид или Парнас, Дом Ориона, или... Ведь ты прошла через Портал, значит – сможешь проходить всегда! Словом, всё теперь будет в твоей власти, но! Лишь в том случае, если решишь остаться. И выберешь!

– Что – выберу?

– Измерение. А проще говоря – Мир, где захочешь жить и... работать! – они неторопливо двигались к Храму, и Жека поражалась – до чего же здесь светло и тихо, если не считать жужжания пчёл и пения незнакомых птиц! Словно нет ни Заводов, ни Комбината, ни вечно гудящей ТЭЦ, ни... Словом – никаких людей и их вездесущих машин!

– Простите, что спрашиваю... Это – Рай?

Маддалена рассмеялась. Весело и непринуждённо. Всплеснула руками: «Все так говорят!»

Камень с души Жеки упал. Значит – есть надежда, что она всё же жива, а не умерла от переизбытка ощущений, эмоций, и чёртова «Смирнофф»-а!

– Нет, Евгения, это не Рай. Авалон – это, скорее, Пересадочная Станция. Промежуточный Мир. Ничейная земля. Может, читала «Хроники Нарнии»?

Жека с запоздалым сожалением покачала головой.

– Ну, неважно. Я попробую объяснить попроще. Ты летала на самолётах? Нет? Хм-м... А в поездах ездила? Ага, уже лучше. Ну так вот: наш мир, Авалон – это Вокзал. Из которого ты можешь на «поезде» магических сил попасть в любой Мир так же просто, как можешь переехать на электричке из Иваново в Москву. Только – мгновенно. А захочешь в Нью-Йорк – пожалуйста! Или – на луну! Да куда угодно! Здесь всё устроено так, чтобы человек мог попасть туда, где чувствует себя... Комфортно и легко. Дома. Или – туда, где будет работать.

– А выбрать... Дом... Как вы сказали, я смогу сама?

– Да. А попутешествовать по другим Мирам, и изучить их, ты сможешь в процессе обучения! И, разумеется, и после...

– Так я ещё буду учиться?!

– Только если захочешь. Остаться. Вот именно – обучиться. И работать.

Если же нет – просто вернёшься. И продолжишь обыч-

ную жизнь, которую вела до этого. – показалось Жеке, или при этих словах её спутница несколько... Увяла? Словно погрузилась. Интересно бы узнать...

– А скажите, Маддалена... Много таких, как я, попадают сюда, в Авалон? И... выбирают себе какие-то... Миры для жизни? И... *Почему* они их выбирают?

Пока они поднимались по беломраморным ступеням во всю ширину фасада, Маддалена молчала. И только когда остановились на мгновение перед парадным входом, темнеющее отверстие которого имело поистине колоссальные размеры, произнесла:

– К великому сожалению, нет. Не более чем один на миллион может попасть сюда. Поверить в себя. И в то, что то, что происходит с ним – происходит. А не снится. Да и то...

Девятеро из десяти таких Кандидатов предпочитают вернуться. К привычному, родному. Забыть о том, где были и что узнали. И жить...

Так, как жили. И там, где жили. Сейчас очень трудно найти людей, готовых жертвовать своей Судьбой, своим «Я» для блага Миров. Будь то – своих, или вообще... Чужих. Все хотят жить для себя. И не «заморачиваться», как это сейчас называется, всякими сложностями и хлопотами. Проще говоря – все предпочитают смотреть фильмы и читать волшебные сказки о *чьих-то* приключениях... И ничего не делать самим. Это, кажется, называется эгоизм. Нет-нет, я не осуждаю таких людей – на то и свобода Выбора! Но...

Нам всё труднее работать. И поддерживать Баланс. И тебе, если решишься, придётся напряженно, а иногда – через слезы, и терзания души – твою совесть, сомнения, боль – работать. Чтобы поддерживать этот самый Баланс...

– А что такое – Баланс?

– Пусть лучше Верховный расскажет тебе об этом. Он куда лучше меня разбирается в вас, Землянах.

– А вы... Не землянка? – дикость этой мысли не поразила. А скорее, подтвердила её подозрения. Женщина пусть неуловимо, но – отличалась от неё. Она это чувствовала.

– Нет, конечно. Но моя планета давно погибла. В глупой и разрушительной Войне. Потому что никто не... – женщина закусила губу, – Лучше не будем сейчас об этом. Словом, с неё уже никогда никто не прибудет... Но – проходи, Верховный ждёт тебя!

– Простите... Я не хотела вас расстраивать... До свиданья. – она кивнула. Маддалена, вздохнув, тоже. Но её взгляд...

Что в нём? Сочувствие? Печаль? Горечь от осознания гибели своего Мира?.. Или... Сомнение в ней?

В том, сможет ли она... Выбрать? И – выбрать верно?

Работать? Это слово Маддалена употребляла, пожалуй...

Слишком часто.

Смутно сопереживая печали Маддалены по произошедшим Бог знает когда трагическим событиям, Жека не осмелилась расспрашивать дальше, хотя и хотела узнать – не в

ядерной ли войне погиб столь, кажется, похожий на их, мир. Но – она чувствовала! – ещё не время для расспросов. Она ещё не... Решилась. Наверное, пока не имеет права. Знать.

Повернувшись спиной к женщине, она двинулась в черноту портала.

Темнота – или ей это только показалось?! – сгустилась. Да, ощутимо сгустилась!..

За спиной словно пропали даже голоса птиц и жужжание пчёл. Тишина наваливалась почти зримой подушкой. Она уже шла словно не через воздух даже – а сироп. В котором медленней двигались, вязли, ноги, руки. И даже мысли, казалось, что-то тормозит...

А чернота делалась всё зримей, плотней! Теперь она напоминала даже не сироп, а студень, холодец!.. Только безвкусный и непрозрачный!

Странно. Вроде бы, «Верховный» ждёт её, и должен как-то облегчить... Или ускорить её прибытие. А вместо этого её обступила явно недружелюбная среда! И уже не видно даже входного проёма, от которого она отделилась – она готова поспорить! – лишь на несколько шагов! Да что же это такое, в конце-то-концов!..

А-а! Наверное, небольшая проверка.

Её смелости. И решимости. Способности упрямо и методично идти к Цели.

А то ведь – позади ожидает Беседка, откуда наверняка

можно легко вернуться домой, и...

И – что?

Продолжить знакомство с Сергеем? «Тусоваться» ближайšie четыре года со стержовными лицемерками, так называемыми подругами, а на самом деле – лютыми завистницами, вечно голодными до мужиков вообще, и «перспективных», то есть, состоявшихся в плане бабла, квартиры, и машины, в частности? Которых настоящими подругами назвать может лишь наивная и незлобливая дура вроде неё?.. Четыре года учиться...

На филолога? И потом всю жизнь биться с задиристо-борзыми и ленивыми детишками, которые уже не прячут айфон под партами, играя, или шаря по интернету прямо во время занятий, и читать нотации их заносчиво-вредным мамашам, которые во всех неудачах любимых чад будут обвинять только её, «занудно-правильную» и «вредную» училку...

Сейчас, в этом чуждом и странном месте, ей всё оставшееся позади казалось мелочным, пустым и нелепым сном. Пересыпанием не воды даже – а песка. Из пустого в порожнее.

С другой стороны – что ждёт её здесь, да и во всех этих многочисленных Мирах? В которых ей, возможно, предстоит побывать, жить... И работать?

И... Что же это будет за *работа*?..

Медленно, но настойчиво, словно вколачивая гвозди, она продолжала устремляться мыслями вперёд, отталкиваясь подошвами туфель от единственно материально твёрдой

вещи здесь – пола, и помогая «духу» кряхтением и прикусыванием языка...

Не-е-ет, она пробьётся, прoderётся, преодолет – она всегда брала не нахрапом, нахрапистым штурмом – а медленным, кропотливым напором, упорством и терпением...

Она пройдёт! Куда нужно.

Она обязательно пройдёт! Потому что, во-первых – хочет прийти, во-вторых – невежливо заставляя себя ждать слишком долго, а в-третьих, уже она сама очень хочет выяснить, что за Предложения ждут её там...

Комната, куда она без всякого перехода вдруг попала, показалась очень знакомой.

Точно! Это же единственная комната их Дома там, в родном селе!

Два узеньких окна, крашенные-перекрашенные реечки их переплётов со всё равно облупившейся, и торчащей слоями, краской. Печь: кирпичный, тоже многократно (Уж и не упомянуть, сколько раз!) белёный монумент, единственно вызывающий ощущение чего-то домашнего и родного!

Память услужливо подсказала, как уютно и тепло на её завалинке в долгие тоскливые зимние ночи...

Лежать на спине, развернув книгу к голой лампочке без абажура. И читать... О, вожденная мечта – после тяжелого и хлопотливого дня... Ах!..

Почерневшие брёвна стен, с торчащей кое-где, тоже почерневшей и превратившейся почти в труху, паклей. Скри-

пучий рассохшийся стол. Табуретки.

Всё, вплоть до чуть осязаемого запаха домашнего хлеба и парного томлёного молока из жерла всё той же печки – абсолютно так, как она помнит. Только...

Только вот у окна стоит, заложив руки за спину, и глядя в стекло, вовсе на Мать.

Пожилой бородатый мужчина в добротном чёрном костюме повернулся к ней.

– Здравствуй, Евгения. Прошу извинения за... Вторжение в твои дела. Я слышал весь ваш разговор с Маддаленой. Я наблюдал, как ты проходишь через Портал. Я...

Рад, что ты здесь. Уже одно это говорит о том, что ты – Другая.

Впрочем, ты и сама это знаешь. – она только чуть кивнула, ожидая продолжения. Ну, следил – и следил. Нормально. Для Волшебника. Если, конечно, это – волшебник.

– Нет, я не волшебник, как ты могла бы подумать. (Ого! Он, похоже, *видит* и её мысли!) Правильней было бы называть меня... Администратором.

Моя задача – ввести новоприбывших в курс дела, и... В дальнейшем консультировать по нашим Мирам, и тем возможностям, которые эти Миры предоставляют.

Отвечать на неизбежно возникающие вопросы.

После чего ни в коей мере не вмешиваться в... Выбор.

Вот теперь Жеке стало неудобно – неудобно за тот вид, в котором она предстала пред... Администратором. Она по-

чувствовала, что невольно опускает взгляд, и, возможно, краснеет. Мужчина быстро понял её состояние:

– Не надо стесняться. Здесь каждый может выбрать ту одежду, и даже то тело, которое ему понравится. Или – понадобится для... Работы. – он легко повёл рукой сверху вниз, и вдруг...

На ней оказался самый настоящий кринолин!

Узкий корсет, туго давящий на рёбра, отлично подчёркивал тоненькую талию, а трапециевидный вырез открывал именно столько от груди, чтобы и привлекать внимание, и... Скрывать! Вот. Та золотая середина, которую она с помощью ножниц слегка... Да и не слегка – перешагнула! Сразу видно – *этот* вырез кроил профессионал!

А уж снизу пышные складки великолепной светло-кремовой узорно-вышитой парчи делают её ножки и... э-э... то место, откуда они растут – вообще невидимыми. Но наверняка воображение заставляет всех, кто носит брюки, вождедель, домысливая, и облизываться!

Она придиричиво оглядела себя, вертясь и изгибаясь. Прикольно. Но всё же...

– Понял. Согласен: разумеется, непрактично, хоть и очень, очень блистательно... Монументально! Настоящее Барокко. – Верховный слегка прищёлкнул пальцами.

Ах, вот как. Это – уж точно от Диора! Боже, что за фасон! С претензией на неповторимость – наверняка такое платье носила одна из звёзд Голливуда на вручение ей Оскара!.. А

здорово, конечно, но...

– Да. Вызывающе. Зато – отлично подчёркивает достоинства фигуры.

– С-спасибо. Но мне бы...

– Понял. Пока не до «подчёркивания». Чего-нибудь простого, привычного и удобного. Повседневного и рабочего. Разумеется!..

На ней оказалась майка-кофточка, велюровый кардиганчик из гипермаркета, купленный пару недель назад, и джинсы с кроссовками. Она расслаблено вздохнула. Потом не удержалась:

– Но как же вы?..

– Легко. Весь Мир Авалона – большая иллюзия. Созданная нами для... Ну, об этом позже. Словом, практиковаться в магии здесь очень удобно. Если надумаешь остаться – именно с этого и начнёшь! А сейчас просто запомни, что одежда – самое лёгкое и простое, что можно себе сделать. Даже начинающему. А вот тело...

Острой вспышкой озарения её пронзила страшная мысль: волшебник-админи-стратор-то... Не шутит! Как одежду, наверняка можно менять и тела! Стать пухленькой блондинкой, или тощей стервозной брюнеткой. Крашенной хной рыженькой старушкой, или полулусым панком-подростком с неизменным ирокезом и пирсингом...

Усвоив эту нехитрую аксиому, она снова решила разлепить губы. Уж больно непривычно слушать и осознавать *та-*

кое:

– Простите, господин Администратор... Вы хотите сказать, что я смогу выбрать для себя... Любое *тело*?

– Совершенно верно. Как, впрочем, и любой из нас, живущих в Авалоне, или других Мирах. Например, чтоб поразить твоё воображение, я мог бы предстать в виде доброго волшебника – скажем, Гэндальфа! – ого! Гэндальф-то: один в один! – Или – в виде Джорджа Клуни, – это уже не так удивило, – Но я считаю это излишеством и лицедейством.

Да и лучше будет, если ты не будешь отвлекаться на посторонние ассоциации. Поэтому я – это я.

А вот число Миров, где внешний вид разумных существ похож... Хм-м... На тот, что сейчас у тебя, весьма ограничено. Впрочем, мы забегаем вперёд. Присаживайся, а я постараюсь коротко рассказать тебе, что это за место, и *почему* ты попала сюда...

Она выбрала табурет, на котором привыкла сидеть с самого детства. Хорошо, что щель, которая в детстве вечно прищемляла её тощий зад, закрыта сейчас вязанной крючком накидкой. Это бабка связала, уже перед самой своей...

Она знала, догадывалась, почему их беседа происходит именно в этом месте.

Дома каждый чувствует себя спокойней. Защищённым. На своём месте.

Словом – дома!

– Маддалена уже сказала тебе, что Миров, обитаемых Ми-
ров, много. Конечно, не мириады, как надеются ваши учё-
ные-оптимисты. Но и – не единицы. Несколько тысяч.

При этом таких, где живут люди, внешне хотя бы схожие
с вами, так называемыми гуманоидами, не больше сотни. А
таких, как вы – вообще всего три вида рас.

Я говорю это потому, что мало кто, даже из желающих
остаться, выбирает сразу чуждую форму тела... Скорее все-
го, и ты, если надумаешь попробовать, выберешь такое те-
ло, которое привычно для жизни, и не потребует управлять,
скажем, восемью щупальцами и пятнадцатую псевдоподия-
ми... – она не совсем представляла, каково это, но автома-
тически покивала, – Такое обычно, как это говорят, всасы-
вается с молоком матери.

Теперь – о Миссии, которую мы здесь, в Авалоне, выпол-
няем. Ну, или стараемся.

То, что везде существует хрупкое равновесие так называ-
емого Добра и так называемого Зла, объяснять, наверное, не
надо? – она снова покивала, – в Мире, например, Маддалены
силы добра победили. Да-да, я не оговорился – там победили
именно силы Добра. Как они себя называют.

В результате теперь там невозможно жить. И будет невоз-
можно ещё много тысячелетий. Да – я вижу: ты хочешь
спросить, как это – раз победило Добро, почему же невоз-
можно теперь там жить?

Объяснить нетрудно. И – трудно. Потому что Добро – по-

нятие, которое определяют для себя только разумные существа. В силу своей специфики мышления. И формы тела. (Ну помнишь, например, даже у вас есть поговорка: «что русскому хорошо – немцу – смерть!»)

Для рыбака большая рыбина – отличный улов и сытный обед. А для пойманного сазана – мучения и смерть. Так же и для коровы: когда её убивают для того, чтобы вы могли нажарить котлет и налепить пельменей... Пока – понятно? Хорошо, возьмём шире.

То, что плохо (Зло!) для, скажем, человека вроде тебя, может оказаться великолепным для бактерий-радиофагов. То есть таких, которые питаются радиацией. И они ждут – не дождутся, когда же вы начнёте свою термоядерную войну, чтобы колонизировать и занять вашу Землю... Или, скажем, то, что хорошо для воздушных медуз-иммунобилей, смерть – для жихов из Мату. Ну, это для примера, чтоб ты поняла, что Добро и Зло относительны. И существуют только тогда, и только для того, кто определил их... И его «подходящестъ», универсальность, для *всех* сразу – не-воз-мож-на!

Она кивнула. Понятно-то понятно... Но разве коровы и рыба – разумны? Правомочно ли приводить такие рассуждения?!

– О, разумеется, я вижу твои сомнения. Нет. Пока, – он выделил это слово, – рыбы и коровы неразумны. Но! Возможно, они могли бы таковыми стать, если б вы не ели их, а предоставили Выбор – в каком направлении им развиваться!

Ну, и – время, конечно!

Цивилизация коров? *Коров?! Ей* показалось это дикостью. Нонсенсом. Неужели он говорит серьёзно? Куда она попала? Что за морализаторский бред несёт этот старик?!..

И где же здесь – извечно пропагандируемая во всех книгах, и фильмах типа «Гарри Поттера» и «Властелина Колец», борьба Светлого и Тёмного?! – она открыла было рот...

– Евгения. Ты молодец. Проверка номер Два состоялась. – он улыбнулся. Она...

Почесала затылок.

– Действительно, Цивилизация коров – невозможна. Но не потому, что ты подумала. А потому, что коровы – травоядны. Не буду тебя обманывать, и разводить мораль и велеречивую демагогию. Жизнь жестока. А Разум – жесток в квадрате, если можно так выразиться... Вернее, таков - *начинающий* Разум. Ваш Дарвин тоже это отмечал...

Звучит кровожадно – но *все известные нам Цивилизации* построены буквально – на крови!

То есть – до Разума могут развиваться только... Хищники! Высшее звено пищевой Цепочки! И знаешь, почему? – о, да. Она начала понимать, куда он клонит! – Потому что только у них остро стоит вопрос *охоты и убийства* – то есть, добычания пищи из *мяса*! А поскольку мясо – очень калорийно, и насыщает надолго, соответственно, остаётся *время на что-то, помимо поиска, пережёвывания и переваривания пищи!*

Так что те виды организмов, которые извлекают энергию

для жизни из солнечного света, например, с помощью хлорофилла, как земные растения, или перкинссонские вуки, или те, кто питается этими самыми растениями, никогда не станут разумны – у них попросту нет стимулов, и времени самосовершенствоваться! Они все время наращивают... Тело! То есть – мускульную массу.

Ну и просто – переваривают пищу. Помнишь: «четыре огромных камеры желудка, и очень длинные кишки?..»

Он замолчал, не без хитринки глядя на неё. Она же... Вдруг спросила:

– Можно вопрос из не столь «общефилософской» области? Как обстоят дела с борьбой «Добра и Зла» у гуманоидов? Почему вы сказали, что в Мире Маддалены победило Добро?

– Разумеется, я могу дать и более конкретный ответ на конкретный вопрос. Всё очень просто. Почти в точности, как могло бы случиться и в твоём Мире.

Блок стран, где у руководства стояли так называемые «народные избранники», (Ну, то есть люди вроде ваших Президентов!) первыми напали на блок, где правили Тираны – те, кто самолично, силой, захватил власть, и навязал народам этих стран тоталитарный режим, Диктатуру и казарменную муштру... И «Добро» победило. (Хотя, как ты, наверное, уже догадалась – для проигравших они вовсе не были «добрыми»!)

Только теперь, как я уже говорил, жить там невозможно

всем. А мы... Мы не препятствовали. Поскольку этот Мир не входил... В нашу юрисдикцию. А те, в чью входил – предпочитают *не* вмешиваться. Их основной лозунг: «Нужно предоставить разумным расам решать самим за себя».

Ну а результат такого «невмешательства» – ядерная междоусобица.

– То есть... Получается, если уж война произошла – нет разницы – кто победит?

Он опустил глаза к полу, словно рассматривал вышитый бабушкой же коврик из нарезанных полосок старой одежды. Но в поднятом взгляде светилось удовлетворение.

– Ты быстро схватываешь. Или – *чуешь* ответ... Да, раз уж *атомная*, то есть – глобальная, Война разразилась, нет разницы – кто победит. Потому что – никто. Уничтожение будет тоже – глобальным. Закат Цивилизации... Да и, возможно, всей разумной расы – неизбежен. И вовсе не факт, что конкретные выжившие «сапиенсы» снова станут «Властителями планеты». Нам известно много примеров – на Хронасте людей сменили пауки, на Бюрее – опоссумы.

Поэтому наша, Хранителей, задача – *не допускать* самой Войны.

Для этого и нужно стараться поддерживать Баланс. А сейчас в вашем, например, Мире, Баланс смещён. Силы тех, кто считает себя «Добром» начинают думать, что пора прекратить диктат. Вернее, они не желают больше терпеть тот факт, что ими до известной степени могут управлять те, у кого в

руках сосредоточены почти все средства управления вашей Цивилизацией. То есть – деньги.

И появляется соблазн ударить. Первыми. По «эксплуаторам и наглецам, пытающимся всем диктовать свою волю, орудуя, как рычагом, колоссальными денежными ресурсами, и поработить...»

Ну, ты же смотришь телевизионные новости? Нравится ли тебе политика... ваших Врагов Номер Один? «Самовлюблённых и тупых» америкосов?.. Которые просто – работают на более хорошо замаскировавшихся врагов – Глобалистов? А-а? То-то!

– Но как же... Например, такая девушка как я, могу помочь?! Я же... Не политик?

– Объясню. Причём – с огромным удовольствием. Поскольку ты уже одним своим внешним видом подготовилась к наиболее подходящей тебе задаче!

– ?!

– Ты можешь стать... Ведьмой!

Сознание возвращалось урывками, неторопливо продираясь сквозь дебри паутины сна... Где она – в детстве, или в юности? Что ей сейчас делать – доить коров и кормить кур, или собирать учебник и конспекты в сумку?..

Но вот состояние полузабытья отступило. Она проснулась.

Глаза открыть, впрочем, не спешила. Уж больно приятные

ощущения...

Кровать оказалась куда мягче, чем она про неё помнила. Пружины не скрипели. И подматрачная сетка не пучилась угловатыми железяками, оставлявшими синяки на спине и боках, несмотря на наваленные бутербродом нагромождения из жиденьких старых одеял, из которых клоками через дыры торчала посеревшая вата.

И никто не шпенял её, грубо вытряхивая на пол, или срывая одеяло:

«Женька! Корова, коза, куры!»

Да, именно в таком порядке они и ждали её иногда не слишком-то ласковых рук и тёплых забот... А ведь, если вспомнить, они-то... Были ни в чём не виноваты!

Стыдно.

Так что и корову Зорьку она доила и выгоняла на улицу, к стаду, медленно двигавшемуся под присмотром деда Васи – пастуха с тридцатилетним стажем. И козу привязывала к колу на новом месте в огороде. И курам сыпала запаренной тюри из остатков обеда-ужина с комбикормом... Все – впопыхах, и не слишком аккуратно. И пинки и шлепки нерасторопным или наглым зверушкам тоже не «лучились» теплотой.

Работа начиналась с пяти утра, и распорядок её не менялся последние семь лет... А вот Машка могла поспать до полседьмого – когда её будили, кормили. И отправляли в школу. Обязательно чмокая на прощанье. А вот её...

«Ты – старшая. Сознательная. Поэтому должна...»

Лучше не вспоминать. Не так обидно и горько на душе.

С другой стороны – если б не суровая дисциплина, вряд ли она смогла бы, особенно глядя на поведение окружающих «девок-пофигисток», ставящих во главу угла не учёбу, а «выскакивание» замуж, подниматься рано, чтобы «переться» на первые пары, и сидеть там, быстро и терпеливо записывая, так, что потом ломило кисть... Чтобы давать потом всё тем же девкам-девочкам переписывать. А уж о том, чтобы заучивать трудное, и непонятное на первых порах, техническое, физическое, математическое...

Так что, получается, – спасибо, мама. Подготовила к... Самостоятельности. Ответственности. Привила её Сознанию дисциплину. Будь она неладна!..

Невольно память вновь вернулась к словам Верховно-управляющего из вчерашней беседы:

– Будь реалисткой. Подумай – только без глупых сантиментов, а честно взглянув себе в память и душу: кому ты там нужна? Есть ли человек, который станет сожалеть и плакать, если, например, ты навсегда уедешь жить и работать в Москву? А в Голландию?

А – на луну?

А что самое главное, ты всегда – стоит только пожелать! – сможешь возвращаться туда. Как на каникулы. Конечно, если захочешь...

Потому что здесь, в Авалоне, нет времени. То есть – *re-*

ально текущего времени. И вернувшись хоть сейчас, хоть через год, ты застанешь Сергея в том же павильоне, ждущим тебя. А в Доме Культуры всё ещё будет длиться «Хеллоуинский Маскарад».

Она тогда поразилась. Но подумала, что, собственно, ничего удивительного здесь нет – она чего-то такого и ожидала...

Авалон. Сказочная страна Эльфов. Да, райские сады и блаженное Безвременье.

А существуют ли они? Или Администратор сделает ей их, захоти она взглянуть?..

– А что будет с моим миром, если не...

– Вмешиваться? Идём. Я покажу тебе. Пример.

Он вывел её на крыльцо, легко отворив обычно всегда забухавшую и елозившую по уже протёртым ложбинкам в полу, дверь. Здесь она не забухала. И не скрипела тоскливым сопрано. Хорошо. Потому что не сводит зубы от звука...

Прошли они к пруду.

Пруд... Что-то с ним было явно не так!

– Посмотри! Я отмотаю всё назад. И ты проследишь, что, и почему получилось.

Перед её взором стремительно вдруг метнулось назад, к востоку, солнце, всё почернело, затем снова чиркнула по небу ярко-оранжевая полоска, затем всё ускорилося ещё, и слилось во что-то серое, безликое... Но она успела заметить и вдруг возникшие, и мгновенно опавшие сугробы. И листья

– только что огненно-жёлтые, и тут же зелёные, и вот уже ветви снова голы! И – всё сначала...

Пруд вдруг остановился – от неожиданности она вскрикнула. Но осмотрела его подробно: пруд как пруд. Вон, по-над берегами – бляшечки ряски, под водой – ленты водорослей, и песочек... Водичка прозрачна. Благодать.

Вдруг она смогла видеть *сквозь* воду. Ух ты – щука!.. И караси. Караси, значит, едят зелень, а щука – их. Всё, вроде, логично. Пищевая цепочка. И вдруг...

К пруду приближается Верховный, протягивает руку, и вот – щука уже в ней! Он уносит рыбу к реке. И – Жека не видит этого, но знает – отпускает.

И что же?

А, вот опять всё слегка ускорилось. Караси... Растут. Плодятся. Едят. Едят больше.

Вот и водорослей не осталось. Но... Идиоты прожорливые! Они же перемерут с голода!

Чёрт возьми, так и происходит. Отощавшие тела всплывают брюхом кверху, и разлагаются, опадая на дно водоёма загнившими мерзкими лохмотьями с ниточками белых ребер. И вот уже никто не плавает, и водоросли не ест.

Бляшки, чудом сохранившиеся где-то на кромках, начинают снова заполнять...

Заполнили. Превратились в толстый ковёр. Боже! Вода застаивается, загнивает без кислорода! Таковую не то, что пить, или купаться – нюхать, насколько она помнит, невозможно!

И вот – буйно разросшиеся и отмирающие, укутывающие толстым чёрно-коричневым ковром дно водоросли превращают пруд в...

Болото, и... Торфяник.

– Я ничего нового тебе не показал. Ты такие загнившие пруды видала и там, дома.

– Да. Видала... Это... Экологическая катастрофа?

– Вот именно. Ты сразу очень точно подобрала название. Для произошедшего. Но это – грубая схема. Для социума, где управляют *мыслящие*, столь примитивная модель совершенно не подходит. Но принцип тебе теперь понятен – если нет щуки, нет ограничивающего, сдерживающего, и одновременно стимулирующего любовь к жизни, и борьбу за неё, фактора, в социуме, который не может, или слишком глуп, чтобы грамотно регулировать свои функции сам, наступает короткий период лже-благоденствия – ну, когда все караси росли и жирели! – а затем... Как бы тебе... Замятинскую антиутопию «Мы», конечно, не читала? – это был полупрос-полуутверждение.

– Н-нет. – она покачала головой.

– Жаль. Но смысл можно передать парой фраз: в Обществе, где царят тоталитарные методика, (Например, ты же знакома с понятием «коммунизм»?) ну, то есть, где жизнь всех людей регулируется *сверху*, и где нет борьбы с *внешними* жизненными обстоятельствами, а всё уже и так разжёвано, и положено в рот, и нет отдельных индивидуальностей, а есть

только – послушные «винтики»... Рано или поздно наступит застой. Ну, с этим-то понятием ты наверняка знакома. И, вижу, суть поняла.

– Да. Кажется. Люди становятся равнодушны. И перестают чего-то хотеть... Кроме только материальных благ – машина, супертелевизор, дом... А ведьмы, они, получается, навроде шук? Они... Стимулируют стремление к борьбе? За жизнь? И ограничивают. Но – что? Что они ограничивают? И – как?

– Вот всё это, и многое другое ты узнаешь, если... Согласишься. А пока ты не выбрала – извини. Секреты и законы, управляющие человеческим Социумом предназначены только для Посвящённых. Тех, кто готов пожертвовать своей Судьбой и жизнью. Временем.

Для кропотливой, а иногда попросту нудной рутинной работы – поддержания Баланса. Ну, Маддалена тебе уже сказала.

Да, наша работа вовсе не подвиги и приключения, а – в основном, расчёты, моделирование, и... Минимальные воздействия. Минимальные.

А то, что ты только что видела – просто... Вводная лекция. Простой Пример. Демонстрация причины и следствия. Следствия нарушения Баланса. Есть и ещё кое-что...

Слышала, наверное выражение «волки – санитары леса»? Всё верно, они отслеживают и убивают только старых, слабых и больных. Но – как ты считаешь, сами *олени* понимают,

что таким образом им просто...

Не дают вымереть от вырождения?! А? Вот то-то. – она поджала губы: точно! Вряд ли олени ценят оказываемые им «услуги».

– Согласен. Волков никто не любит. Дескать, и кровожадны, и беспощадны. Один злобный оскал чего стоит. (Она вспомнила – да, оскал... Не для слабонервных)

А ведь наша предвзятость – лишь предрассудок.

Природа мудра. Но вот её мудрость не всегда, скажем так... Красива, гуманна, и правильна с нашей, людской точки зрения. С точки зрения так называемой «человеческой» Морали. Говорю же – всё субъективно.

А волки, в принципе, дают модель и нашим действиям: убивают лишь столько и тогда, когда нужно есть. И без них... Как без щук! – он покачал головой, – Прости. За нудную и не слишком пока понятную лекцию. Но подробно смогу рассказать, только если... – он поднял брови. Она кивнула. Этот пример тоже вполне... Красноречив.

– Ну а сейчас давай вернёмся.

Они вернулись. В сотворённую возле пруда Избу... Её Дом. Дом?

В избе Верховный предложил ей располагаться «Как у себя. Потому что ты – у себя!», пожить, походить по лесу, подумать. Ещё подумать. Время... терпит. И – спрашивать, что окажется непонятным.

Ох, чует она – такого здесь будет много, если она... Н-да.

Вздохнув, и сладко потянувшись, она, наконец, открыла глаза.

Благодать! Солнышко разбросало кучу бликов-монеток по лавке, коврику и почти чёрным от времени, истёртым до торчащих выступами сучков, доскам пола. Судя по всему, сейчас – около шести. Давненько она так не залёживалась в постели! У-у, свобода!..

Спустив босые ступни на бабкин половичок, она порази-лась – все те воспоминания, из далёкого детства, и ощущение – *те самые!* Вот уж не знала, что можно всё это столь точно воспроизвести! Впрочем – он так и сказал: Мир Иллюзий!

Как она *помнит* – так и будет!

Уже не столь восторженно она открыла шкаф с одеждой, и выбрала старенькие привычные джинсы и простую фланелевую рубашку. Пойдёт-ка она умываться...

И ледяная вода в рукомойнике, и зубная щётка с торчащей во все стороны подвылезшей щетиной, и полотняное полотенце с выдранными клоками – всё как *там!* Или...

Или оно такое именно потому, что она его таким помнит, и вызвала к жизни – сама?! А... Можно ли его улучшить – чтобы было не столь... Патриархально. И – более удобно?!

Ладно – она спросит. Как спросит и о сотнях других, накопившихся в пухнувшей от дикости и непривычности происходящего, головке, вещей. А сейчас – завтрак.

Холодильник «Зил» приятно удивил разнообразием: тут

тебе и колбаса, и сыр, и початая банка сгущённого молока, с крышкой, до половины открытой старым, рычажным консервным ножом, и пучащейся опасно острыми, как она отлично знала, волнистыми краями!.. И даже свежие творог и сметана. А где же хлеб?

Она налила в свою старую, с отколотым кусочком эмали, чашку кипятку из полу-ведёрного электрического самовара, всю её жизнь стоявшего на столе. Псыкнула в него заварки из чайничка поменьше, привычно гордо сидящего на самоваре сверху. Вот и сахар. В сахарнице. И не на доньшке – «только для Машеньки», а насыпан горой... Ох.

Пока она ела ломоть душистого и мягко пружинящего хлеба из печи, заедая всем тем вкусным, неожиданно оказавшимся в её распоряжении, мысли буквально роились. Но проверить она решилась, лишь доев, помыв чашку, и вытерев крошки со стола.

Ух ты!.. Вот блин! Надо же...

Баночка с чёрной икрой стояла именно там, где она её себе вспомнила-вообразила – на верхней полке, прямо под испарителем, и за литровой стеклянной банкой с малиновым вареньем...

Достав её, она долго и сосредоточенно рассматривала на свету икринки сквозь замазанное изнутри серой слизью стекло, не сомневаясь, что и вкус окажется таким, как она помнит по тому единственному разу, когда...

Неважно.

Последняя соломинка для верблюда.

На глаза сами-собою навернулись слёзы. Одну выступившую и потекшую по щеке, она смахнула пальцем. Закусила губы почти до крови.

И поставила баночку на место, так и не открыв...

А ведь именно за это – за якобы съеденную ей икру! – её и наказали тогда, после Нового Года... Ох, Машка. Долго же ты потом заглядывала в глаза, и просила прощенья. (Когда мать не видела!) А Жека так до конца и не поверила в её искренность – не вступилась же, и не призналась, когда её в наказание закрывали на ночь в тёмном подполе...

Может, поэтому – из-за постоянного подсознательного ощущения своей вины! – сестра и не любила Женю?..

Сегодня на месте чёрного Портала оказался просто обычный коридор – совсем как в общежитии. Ну, может, чуть пошире, почище, и приятного кремового цвета – здесь-то ошметки масляной краски мерзкого вылинявшего ядовито-зелёного цвета со стен не свешивались, пучась от сырости и протечек с крыши и из труб отопления.

По коридору она просто прошла в самый конец Храма – туда, где, как им объясняли в пятом классе, на уроках Истории древнего Мира, находилась у этих самых древних греков святая святых – Алтарь Божества, которому посвящён Храм.

В простую деревянную дверь она постучала. Услышав: «Войдите», вошла.

Администратор, увидев её, встал из-за стола, где до этого что-то делал на компьютере, сосредоточенно стуча по клавишам.

Компьютер в первый миг поразил её. Уж больно он не вялся со зданием античного стиля, кринолинами, щукой и всем прочим «колдовством»... Потом она вспомнила – каждый работает так, и теми инструментами, к которым привык. А что – удобно!

– Здравствуй, Евгения! Надеюсь, отдохнула хорошо? – в его словах слышались мягкая забота и радушие. Он действительно рад её видеть. Вроде бы.

– Благодарю вас. Да, всё прекрасно. Настолько замечательно, что... Аж мурашки бегут по коже! Я сегодня вообразила себе даже баночку чёрной икры...

– А, ваш земной деликатес! Отлично. Видишь – как тут всё просто! – он воспользовался паузой, когда она сглотнула, снова вспомнив негативные ассоциации, связанные с чёртовым «деликатесом», – Присаживайся!

Тут же напротив него у стола возник мягкий стул. Она, благодарно кивнув, села.

Он тоже сел. Молчал. Ждал. Руки сложил перед собой. Она невольно проследила взглядом за прожилками вен – набрякшие, словно от тяжёлой работы. Или – нервов. Интересно, сколько ему лет? Наверное, много.

Профессиональный Психолог. Знает, видит, похоже, что она уже...

– Я решила. Я остаюсь.

– Отлично. Благодарю тебя от лица всех коллег. И от себя, конечно. Ты поступила храбро. Но ты не пожалеешь. Это – интересная работа! Скучно не будет.

Она кивнула, чуть растянув губы – улыбаться было... Страшно. Да и вообще – решиться оказалось куда страшней, чем она себе вначале... Похоже, тут сыграли свою роль и воспоминания об икре... И сотни других обид и несправедливостей.

Которые она, как ни старалась, на самом-то деле – так и не простила!

Просто не смогла...

Она сглотнула, пытаясь взять себя в руки. Нет, он не должен увидеть, что *там* она была несчастна и одинока, поэтому и... Или – не поэтому?.. Она пока и сама толком не понимала себя!

– А что мне теперь нужно... делать?

– Ну – как что?! Учиться!

Брови её полезли вверх. Не то, чтобы она совсем этого не ждала, но...

– Да-да – тебе придётся *очень* многому научиться. Потому что, хоть спекулятивный фильм о Гарри Поттере и показывает школу магов и сам процесс, как череду захватывающих приключений и чудес, в реальной жизни настоящей Ведьмы этот, по сути, скучный этап, неизбежен: кропотливое обучение – залог долгой и плодотворной жизни. Опасностей и вра-

гов у нас и правда – много! Но вот насчёт приключений и чудес...

Да ты увидишь сама – первый год здесь почти ничем от обычной школы отличаться не будет! Разве что... Предметы другие. Будет, особенно вначале, немного сложнее. Но и интересней. Потому что особый упор мы делаем на практических занятиях!

– А... Где я буду учиться?

– Хм... Выбери сама. Где ты училась, когда ходила в школу?

– О-о... – протянула она разочарованно. – Значит, снова таскаться по сугробам и грязи за пять километров в Новую Антоновку...

– Вовсе нет. Здесь же всегда вечное лето! Конечно, если только сама не захочешь – ну, как захотела с икрой... А ещё – нетрудно перенести избу с классами хоть к вам в село – в соседний дом! – он чуть прищёлкнул пальцами, – Готово! А если захочешь – так и вовсе будешь встречать учителей просто... Дома. Они придут сами. – он вновь щёлкнул.

– С-спасибо! Это... Это – чудесно! А с кем... я буду учиться? С другими... Ведьмами?

– Ну, нет. Здесь как раз фильм о Поттере врёт. Причём – нагло. Было бы непозволительной глупостью сажать и учить вместе столь индивидуалистичные... И специфически организованные натуры, как у Ведьм.

Да и мешало бы такое соседство самому процессу обуче-

ния! Отвлекало.

Поэтому – в «классе» ты будешь одна! Списать будет не у кого, схалтурить – вообще невозможно. И поговорить на уроке не удастся ни с кем, кроме Педагога.

С тобой будут заниматься только индивидуально! Концентрированно, так сказать.

И вот ещё что...

Тебе понадобится новое Имя.

– Почему?!

– Правильней спросить – для чего. Это просто. Подлинное имя Ведьмы входит почти в каждое произносимое ею заклинание. И если это имя слабо, слабее становится и воздействие на... Ну, скажем так: на то, что является предметом заклинания.

Она нахмурилась, пытаясь осмыслить. Он пришёл на помощь:

– Извини. Я никак не научусь выражаться просто – пора бы уж отойти от защиты Диссертации. Так вот: в Имени должна обязательно иметься хотя бы одна буква «Р».

Именно она настраивает мозг должным образом! Но... Или ты не хочешь менять Имя? Пойми: я не имею права тебе ничего, никаких решений, *навязывать* – я, как уже упоминал, просто – Консультант. Так что могу – только предлагать варианты. И рассказывать о возможных последствиях...

– Понятно. Нет, я и правда хотела бы... – ей и самой не слишком нравилось то, как её, быть может, специально, на-

зывала мать, а затем – дразнила сестра... «Женя-блаженя!» И ещё был такой дурацкий мультик: «Про котёнка Ж-ж-женю и Правила Движ-ж-жения!» Вот уж когда Машка потешилась вволю... – А какое это должно быть Имя?

– Собственно, любое. Дать список? – в руке Администратора вдруг оказался пухлый том.

– Спасибо, нет. Я уже давно... – она хмыкнула, – Можно мне назваться Сэрой?

– Конечно. Отличное звуко сочетание. Легко произносить. Кстати, это – одно из древнейших утверждённых Имен. Оно очень сильное. Поздравляю. – он кивнул.

– Спасибо. А... Мне можно теперь так представляться?

– Разумеется. – он тоже чуть усмехнулся, словно сразу став приземлённей и ближе, – Это только у туземцев Океании табу на подлинное Имя. (Ну, первичные суеверия Нулевого и Первого Уровней – тема изучения во втором Семестре.) А для всех остальных оно – твоя визитная карточка. Показатель твоей силы и способностей.

Так что поздравляю ещё раз. – он протянул руку, и она осторожно вложила свою ладонь в его. Администратор воздел другую руку кверху, нахмурил брови, чуть напрягся. Выкрикнул нараспев странную фразу.

В его поднятую руку ударила настоящая молния! Он крикнул:

– Именую тебя: «Сэра»!

Она содрогнулась: электрический разряд пронзил тело от

кончиков волос до пяток!

Надо же! А мир-то вокруг... Словно стал гуще, весомей, осязатей. Словно до этого она смотрела на него, как на экране телевизора. А сейчас вдруг шагнула вовнутрь...

Как в три-Д.

Но – здесь ощущение того, что теперь вокруг всё реальное и прочно-материальное, не исчезало, как в кино после выключения аппаратуры...

Она словно... Ожила. А до этого – дремала. И видела странный сон.

Странный и непонятный сон, где она может помочь... Спасать свой... и другие... Миры.

А вдохновляет... Как в сказке!

– Ты – Поименована! Добро пожаловать в Авалон! – теперь на лице Администратора сияла радостная улыбка во весь рот, и ей показалось, что даже его напряжённые до этого плечи расслабились. Неужели он всё же в ней... Сомневался до последнего момента?

А она сама? Разве и правда – не сомневалась в себе?!

Бросить всё!

И – бросить всех! Забыть, и фактически отказаться от друзей и родных!.. Носиться по чужим, и, скорее всего, враждебным Мирам, и выполнять тяжёлую и заставляющую нервничать и страдать за судьбы других людей и, и... Существовать, работать?! Неужели она и правда, согласилась на *это*?!

Да, согласилась. И теперь она – Сэра. И – чёрт побери! –

это ей уже нравится!..

Она вздохнула. Расправила плечи:

– Мэтр Администратор. Спасибо. И вот ещё что... Может, это запрещённый вопрос, но... А можно узнать, сколько кандидаток в Ведьмы у вас здесь учится сейчас? Ну, наших, земных?

Лицо мужчины словно застыло. Но когда он разлепил рот, голос звучал спокойно. Но это спокойствие отдавало (Она почувствовала и это!) напряжённостью:

– Вопрос не запрещённый. У нас здесь можно спрашивать практически... Всё.

А кроме тебя сейчас здесь никого нет. Из «ваших». Да и из «остальных». Но не о них речь. А конкретно о тебе!

– Но?..

– Статистика, должен признать, ужасна. Из почти миллиона присланных Вербовщиками кандидаток, лишь сто двадцать три из *всего* вашего Мира смогли действительно *поверить*, и попасть сюда, в Авалон. Сквозь Первую проверку прошли девятнадцать. Вторую – пять. (Надо отметить – кто забрался так далеко, обычно умён, и знает, чего хочет!) Остаться работать захотело трое. И ты в том числе. И это – за те триста лет, что я...

Нахожусь здесь, на этой должности.

– А они... – она сглотнула, – Ну, те, что из «наших»... Я могу с ними встретиться?

– Боюсь, что нет. Они, к великому сожалению, давно по-

гибли.

Так что учиться тебе придётся, как я уже говорил... В «гордом» одиночестве.

Сэра направилась по дорожке к дому, где, насколько она запомнила, жила Маддалена.

Маддалена вышла на порог странного угловатого и стеклянно-деревянного сооружения, несколько дом не напоминавшего (вот уж точно – она – не из *людей*...). Она словно чувала, что к ней идут. А, может, и правда, чувала?..

– Здравствуйте, Маддалена!

– Здравствуй, Сэра!

– А... Откуда вы знаете, что меня теперь так зовут?

– Мэтр Администратор передал. Но спрашивай – я же вижу, у тебя есть вопросы.

– Да... Да. Я только хотела узнать, можно ли мне остаться жить и... заниматься в доме, который сделал для меня мэтр Администратор?

– Разумеется! Разумеется можно. А если тебе захочется что-то изменить в нём... или окружающих тебя бытовых условиях... Ну, например, кондиционер поставить, пристроить дополнительную комнату, или сделать водяное отопление – достаточно сказать мне. Или мэтру Администратору. Или, – Маддалена заговорчески подмигнула, – сама можешь отлично справиться! Понимаешь – *как*?

Да, она понимала. Теперь. Баночка икры...

– И вот ещё что... – Сэра закусила губу, – Как погибли те, кто был здесь до меня? Ну, женщины из нашего Мира.

– Я точно не знаю этого, поскольку произошло это до того, как я появилась здесь – то есть, не меньше, чем сто восемьдесят лет назад. Но ты можешь узнать – в Архиве.

– Понятно... Спасибо, Маддалена! Больше вопросов, кажется, у меня нет.

– Всегда к твоим услугам, Сэра! Да и просто так заходи! Поболтаем.

– С-спасибо, Маддалена. Обязательно!

Преподавательница по Зельям выглядела как сторбленная годами, но отнюдь не безобидная старушка. Пряталась в её глазах некая хитринка...

Густые, кустистые, сросшиеся на переносице брови почему-то заставляли вспомнить о Соловье-разбойнике: казалось, вот сейчас их обладательница сунет в рот два пальца, свистнет громким посвистом, и... С деревьев посыплются яблоки. Ну, или шишки.

При ходьбе женщина опиралась на клюку – самую обычную клюку, чёрную и потёртую до полированности вверху, где её охватывали вовсе не слабые узловатые пальцы. И то, что это оказался никакой не вычурно-навороченный волшебный посох, неизменный магический атрибут всяких там Гэндальфов, Гедов, да матушек Ветровоск, Сэру порадовало. А то как-то уж слишком было бы экзотично. И неправ-

доподобно.

Тёмная одежда скрывала ноги и руки, оставляя видимыми только хитро прищурившиеся изучающие её глаза на морщинистом лице, и кисти рук – цвета переспелого банана. Покрытые сухой и шершавой, усыпанной пигментными пятнами, словно отстающей кое-где от мышц, кожей – так, будто с ними эту кожу уже ничего не соединяло.

Однако когда учительница для примера продемонстрировала, как может работать Зелье испепеления, и берёза в саду, догорев, опала крохотными кучками золы, легкомысленное отношение к предмету у Сэры пропало. Она, быть может, специально не предупреждённая, вынуждена была с возгласами удивления, и не только, отпрыгнуть, и затем отбежать подальше, чтобы падающие трещащие факелы не задели «буйну головушку»!

Ну правильно – поделом ей. Нечего было с таким скепсисом подкатывать глаза и тяжело вздыхать...

И если так пойдёт и дальше, затылок придётся лечить: там уже здорово расчёсано... Всё верно: за эти сутки она столько всего... Необычного. Странного. Волшебного.

– Смотри внимательно, запоминай. Здесь всё нужно запоминать. Потому что заглядывать в справочники и конспекты, – колдунья хмыкнула, – может времени и не оказаться! Поэтому – никогда не суетись: ни усваивая материал, ни... работая. Вот.

Перед ней, прямо над поверхностью учебно-обеденного

стола, заменявшего в её «школе» парту, и по другую сторону которого сейчас на «гостевой» табуретке сидела женщина, возникло и стало медленно поворачиваться небольшое растение: с корешками, зелёным стеблем, и листьями странной формы. Ух ты!.. Хм-м... Запомнила.

– Это – Медуница лекарственная. Видишь – её трудно спутать с другими растениями. Поэтому мы и начинаем с таких, обладающих ярко выраженными индивидуальными чертами. – голос, негромкий и мягкий, очень чётко выговаривал слова – словно русский язык для учительницы являлся иностранным.

– Потому что растения – они как люди, львы, зебры... Каждый приспособлен к своим условиям жизни и работы наилучшим образом. Поэтому у каждого – свой неповторимый внешний вид. Да, спрашивай. – Сэра, несмело поднявшая руку, спросила:

– Простите, миссис Ренилла, а как это – работа? Разве растения – работают?

– Конечно. В первую очередь, работа любого растения, даже самого ленивого – оставить после себя потомство (Это, кстати, вообще всех *живых* организмов касается!). Для этого им нужно накопить сил для выращивания из своего тела семян. Ну, то есть – вытянуть из почвы микроэлементов и веществ, из которых они строят своё тело – калий, кальций, фтор, бром... да таких много. Ну, и, конечно – воду. Ведь без воды – ну, ты знаешь! – не может жить никто! – Сэра

согласно кивнула. Пока всё казалось логично и понятно.

– Далее, им, то есть – растениям, нужно с помощью всяких хитрых приспособлений усвоить углерод из воздуха и азот из почвы... Расслабься. Чтобы не углубляться в дебри явно «любимой» тобой химии, – Сэра скромно потупила глазки, – скажу только, что без солнечного света это невозможно. Да.

Тут мы и подходим ко второму обязательному пункту работы. Это – накапливание энергии солнца. Потому что даже когда растение вырастило и рассеяло семена, оно, если оно многолетнее, продолжает жить. И здесь есть очень важный для нас, ведьм, момент.

Если растение однолетнее, его энергия максимальна в момент созревания семян.

Именно в это время мы его части и собираем, и сушим, и настаиваем – если делаем спиртовую настойку. Собственно, примерно то же самое делали и делают все травники, да и современные аптекари-заготовители лекарственных растений! – Сэра снова покивала. Да, всё, вроде, так просто и понятно! Одна травница жила даже в Новой Антоновке! И когда у Жени случился страшный – ну, почти дизентерия! – прострел, именно настойка от бабы Моти спасла её от больницы, или... Чего похуже. Потому что ноги тогда...

Уже не носили. Даже – до «деревянного домика».

– Ну, а если растение совсем уж многолетнее, с жёсткой прочной древесиной, как, скажем, деревья, заготавливать его части лучше, когда оно готовится к зиме – если это не ли-

стья. Собственно, листья с деревьев мы используем редко. Дерево же сбрасывает их каждый год – то есть оно выделяет в них то, что ему не нужно, что отработало, и от чего нужно избавиться – совсем, как у нас, людей... э-э... Поняла? Точно! Оно самое!

Вот поэтому все зелья из жёлтых и красных листьев и предназначены для... ослабления. Усиления депрессии, тоски. Или даже – убийства. Правда, медленного. Это называется – наведение порчи. Потому что объект атаки чахнет медленно, и никто не может понять, почему это происходит... Ну, ты, наверное, уже догадалась – отыскать следы Зелья в человеке очень трудно, научной медицине – так и вообще невозможно. Потому что Зелья – это *не* яды! (Яды тебе, кстати, будет преподавать Леди Барбро.)

А сейчас хватит с тебя Медуницы, – всё это время Сэра трогала, приподнимала соцветия, и ощупывала стебель, покрытый жёсткими короткими волосками, и бархатистые, тоже жутко пушисто-волосатые листья, нюхала, гладила, – Вижу, запомнила.

– Да.

– Тогда перейдём к её основным свойствам. Во-первых, волоски. Растение многолетнее, значит, то, что в листьях – применяется как отхаркивающее. И мочегонное. Ну, то есть, раз волоски выглядят *вот так* – внутри них те элементы, которые позволяют человеку очистить организм от того, что ему мешает: мочи, слизи, мокроты. В сочетании же с корня-

ми окопника и плодами шиповника – наоборот. Лечит поносы. Вот так вот. – мисс Ренилла многозначительно посмотрела ей в глаза.

Странно. У одного растения – уже как минимум два разных действия! И это – явно не всё, на что способна Медуница!.. Любопытно.

– А если по-научному – в Медунице очень много Марганца. Это огненный металл. Он нужен не столько аптекарям и травникам, сколько нам, Ведьмам. Поэтому запоминай, как изготавливают Зелье для испепеления. Вот твой первый Урок! И, кстати, завтра покажешь изготовленное тобой Зелье в действии! – Сэра открыла было рот... Но снова его закрыла. Нужно будет – и изготовит!

Теперь, когда перед ней поставили конкретную Цель, пришлось подобраться, сесть ближе. И слушать внимательно – теория кончилась!

Сейчас она узнает, как приготовить первое в её жизни *Зелье...*

А ещё ей придётся приготовить его так, чтобы оно и работало!

Второй урок у неё состоялся только после обеда, потому что на точное запоминание и повторение за Преподавательницей всех действий с простыми, и не очень, ингредиентами (ну, например, сушёные хвосты мышей, и толчёные в ступке шарики из пыльцы сосны и мёда, простыми средствами уж

точно не назовёшь!) в маленькой лаборатории, устроенной прямо на раздвинувшемся и увеличившимся столе, ушло часа три!

Зато уж миссис Ренилла осталась довольна – даже погладила Сэру по руке, сказав, что «для первого раза – неплохо, неплохо...». Сэра пояснила – рассказала, почему она верит куда больше городских девчонок в целительную, а, следовательно, и прочую силу правильно приготовленных растений. Миссис Ренилла покивала:

– Травники отлично владеют приготовлением настоек, вытяжек и отваров. Это – второй Уровень. А Зелья – четвёртый. Про лечение тебе будет рассказывать... Хм. Ну, это будет только во втором семестре. Потому что именно *лечение* – куда сложнее, чем изготовление Зелий. Ведь нужно учитывать, *кого* лечишь. Его пол, возраст, темперамент, даже рост и цвет глаз!..

Да-да: вот такой странный парадокс! Настои и отвары – изготовить проще. А вот *лечение* ими живого организма – сложнее, чем применение Зелий. Которые на всё и всех действуют раз определённым, строго заданным образом! Ну, позже разберёшься!..

Второй Урок оказался посвящён наложению заклятий, и проводил его мужчина.

Звали его мэтр Маздок. Судя по произношению некоторых слов (в нос!) он был французом. Причём французом из

не то пятнадцатого, не то шестнадцатого века! Если не десятого... Хотя, если верить заявлению мэтра Администратора, что сейчас из её Мира тут никого нет, приходилось признать, что это он только *кажется* ей французом...

И то, что ему нужно учить столь опасному и вредоносному предмету молоденькую симпатичную девушку, похоже, смущало его куда больше, чем её. Подумав, она поработала над своим лицом. Ведь ей, наверное, не помешает сосредоточенно-умный взгляд, и пара-тройка морщин возле глаз? Придаст как бы солидности?

Мэтр, начавший было длинную вводную лекцию о древних друидах, этрусках и римлянах, взглянув ей в лицо, осёкся.

– Сэра. Я прошу вас вернуть ваше лицо в естественное, так сказать, состояние, и больше не пытаться старить его специально для меня. То, что вы – симпатичная девушка, несколько... Да – *несколько* меня, как вы ошибочно могли бы подумать – не смущает!

Хотя бы потому, что мы с вами представляем – разные *расы*.

Она послушалась, извинившись и нервно хихикнув. Мэтр пошевелил усами, почесал лоб... И тоже рассмеялся. Теперь между ними словно бы протянулась невидимая ниточка контакта, и близости характеров!

Дальше всё пошло куда спокойней, и Сэра на непривычные пассы и побряхтывания не отвлекалась.

Потому что увлѣкшись, мэтр Маздок объяснял очень живо, образно, и доступно:

– Ну вот, скажем, ваша знаменитая Екатерина Медичи! Считалось, что она действует с помощью ядов и наёмных убийц! Ан – нет! Почти половину своих жертв она погубила именно удачно наложенными Заклятьями, которые представляли их куда худшими мерзавцами, чем они являлись (А они – являлись! Без известной доли стервозности прожить тогда было ну никак нельзя! Кстати, сейчас тоже почти ничего в этом плане не изменилось...) в глазах окружающих. И их самих изменяли. То есть – вынуждали несчастных делать глупости, неизбежно ведущие к смерти! К повешению. К дуэли. К отрубанию головы. К пыткам – чтобы выявить сообщников!

А какие могут быть сообщники у того, кто и сам не знает, как, что и зачем он делал!.. Так что Заклятья не нуждаются в сложных, и иногда (Будем реалистами!) трудно доставаемых ингредиентах. Зато – нуждаются в отличной концентрации воли, и... да – звучит банально – но! Точного воспроизведения аудиовоздействия! Ну, Заклинания, одним словом!..

А вот уж для точного воспроизведения некоторых звуков, тресков и шумов, тебе понадобятся не только гортань и язык...

Блин. Если так пойдет и дальше, на её затылке точно – живого места не останется.

Проверку «в действии» её Зелье Испепеления прошло блестяще!

Огромный дуб, одиноко стоящий на одной из полян леса, полыхал так, что его отлично видно было бы и из соседнего села... Если бы оно здесь существовало! Сэра поспешила ввести мысленную коррекцию: на десять вёрст вокруг Школы – ни одного села!

– Хм-м... Неплохо, неплохо... Судя по чуть фиолетовым оттенкам, я бы сказала – чересчур много хвостов, а так... Работает. Ставлю зачёт.

– Простите, миссис Ренилла... – Сэру этот вопрос мучил аж с вечера, – Вот оно здесь, в Авалоне, работает... А будет ли работать *там*? В настоящих Мирах?

– Ага, молодец. Зришь в корень. Многие ученики сходу, увидев, как здорово полыхает, забывают, что здесь-то все условия, так сказать, приспособлены... И даже если Зелье приготовлено не совсем в верных пропорциях, может сработать лишь потому, что составитель *верит*, что всё сделал правильно... Умничка. Переодевайся!

– Э-э... Во что?

– В рабочую одежду. А-а, ты же ещё не... Хорошо. Смотри и запоминай!

Джинсы Сэры вдруг превратились в широкие кожаные штаны чёрного цвета, на ногах вместо удобных растоптанных кроссовок оказались чёрные же кожаные полусапожки с небольшим удобным каблучком, а сверху её «прикид» до-

полнила кофта, тоже из кожи, больше, правда, похожая на куртку.

Пышные и тщательно отмытые накануне с настоем ромашки волосы укрывались теперь под широкополой шляпой а ля «Стэтсон» – почти как у ковбоев!

– Это – наша рабочая одежда... Кожа предохраняет почти от... Ну, или во всяком случае, сильно ослабляет воздействие всякой враждебной гадости... Живая же!

В следующий раз сама сделаешь. – на самой миссис Ренилле кожаные штаны сидели мешком, нисколько, впрочем, не скрывая впечатляющего по размеру... Хм. Да и в шляпе этой она смотрится словно домохозяйка. А вовсе не «бабушка ковбоя».

– А сейчас бери остаток Зелья. Да. И иди сюда.

Сэра с полулитром, оставшимся в берестяном коробе, подошла. Миссис Ренилла взяла её руку своей сухонькой, но – словно стальной, там, под съёжившейся кожей, рукой:

– Повторяй со мной! Я – здесь, и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Лидии!

В окружающем их лесу почти ничего не изменилось. Сосны, ели, дубы...

Зато небо... Оказалось странного, светло-салатового цвета. Да и пахло здесь... Пардон, как в сортире! Принюхавшись, и осмотревшись внимательней, Сэра обнаружила, что запах идёт от растущих на лугах или полях, огромных, с её голову, жёлто-коричневых цветов, покрывавших почти

сплошным ковром опушку леса, и уходившую вдаль, почти до горизонта, холмистую равнину. Предназначенный в «жертву» дуб оказался вполне целым, а не лежал кучкой головешек и серо-чёрным пятном из золы, как тот, в Авалоне...

– Ну, давай-давай, действуй! – в голосе миссис Ренилы звучал неподдельный скепсис, хотя сама она на всякий случай как бы невзначай отодвинулась за пределы места, откуда могло опалить факелом вспыхнувшего костра.

Ага, отлично! Значит, сама-то училка, похоже, не сомневается...

Значит, не будет сомневаться и она!

– Я, Сэра, приказываю: дуб, стори! – она плеснула остатки Зелья на ствол и крону.

Зашипело, полыхнуло с внезапно возникшим гулом, лицо её опалило, и пламя поднялось выше кроны!

Да это – словно в каком-нибудь фильме-катастрофе, или ужастике: реально море огня! Боже! Не хотелось бы применять против... Существ.

Гос-с-споди, да ведь получается – здесь её Зелье действует даже сильнее, чем!..

Она поторопилась отбежать:

– Миссис Ренилла! Оно!..

– Да, я поняла. Потом! – миссис Ренила стояла к ней спиной, чуть присев, словно каратист в боевой стойке, угрожающе нацелив суковатую головку посоха в сторону подбира-

ющегося сейчас к ним, обходя по кругу, странного зверя.

– Ну-ка, быстро – заклинание, и – домой! В-смысле – в Авалон!

– А... Как же вы?

– Я – позже! Сейчас не смогу закрыть глаза и сосредоточиться... Сначала нужно разобраться с *этим!*

Это выглядело, если честно, ужасно и, и... Отвратительно!

Настоящий монстр из тех же фильмов ужасов! Длинные мускулистые передние лапы, и более короткие задние оканчивались чуть ли не трёхдюймовыми когтями. Пасть с белейшими острыми зубами, чуть меньшей, чем когти, длины, с которых сейчас капала омерзительная жёлтая слюна с пеной... Коричневая густая шерсть, явно толстая шкура.

Существо напоминало гиену – только чудовищно, раз в пять увеличенную!

Вот оно прыгнуло, и получив посохом со всего размаху по морде, чуть скривилось – словно не ждало сопротивления! Сэра не могла не заметить, что никаких следов от неслабого, а такого, какого не постыдился бы любой лесоруб, удара, на точно так же скалящейся морде не осталось. Чёрт!.. Похоже, миссис Ренилла в опасности!

Кровь отхлынула от лица Сэры, и руки сами собой сложились в кулачки!.. Хотя какие, на фиг, кулачки! Тут надо что-то... Большое! Смертоносное!

Но как же она может... Ведь она уже использовала своё

поджигающее... А оружия – ну никакого!

Впрочем, зачем *Ведьме* – оружие?!

Она сама – оружие! Но в данном случае, поскольку она ещё не знает ни обещанных Заклинаний, ни магических Знаков, всё же хотелось чего-то материального! Чего-то...

Убийственного!

Вспомнился, прежде всего, разумеется, «Хищник» со стариной Шварцем!

А затем – баночка с икрой, замазанная изнутри сероватой слизью.

Значит, она может и *здесь* сотворить всё, что...

Попробовать-то в любом случае стоит – вон, тварь теперь пытается зубами вырвать из рук училки посох! И пинки в морду возле глаз не останавливают, а только заставляют прикрыть глаза чем-то вроде стальных пластин!

Она сосредоточилась. Присела. Напрягла руки и тело.

Всё равно почти сорокакилограммовая тяжесть придавила так, что чуть не вжала в почву по лодыжки! Плевать! Целься, Сэра!

Она повела шестью стволами в нужном направлении, и нажала гашетку!

Ох! Блин! Чёрт! Отдача задрала стволы куда-то к небу, но она лишь на секунду убрала палец, рванула стволы книзу, и снова прицелилась.

Вовремя! Хотя в тварь она с первого раза и не попала, та инстинктивно повернулась на звук, а миссис Ренила, навер-

ное, так же инстинктивно, отскочила подальше!

Сэра поспешила сделать поправку на подпрыгивание стволов.

Теперь всё пошло как надо – монстровидная скотина оказалась буквально разрезана пополам шквалом пуль пятидесятого калибра, отлетев с треском и шумом в подлесок! Сэра даже «вот и лежи тут!» сказать не успела, как гиена издохла! Ф-фу...

Присев, и оперев дно патронной коробки на землю, Сэра вылезла из чего-то типа рюкзака, оказавшегося на плечах. Не иначе, полный боекомплект в жестяной ёмкости рассчитан на уничтожение целой Армии – весит сам по себе килограмм двадцать!..

– Ох. Ну и тяжеленная же дура! – она только сейчас заметила, что и голос, и коленки предательски дрожат. И – дрожат от души, – Миссис Ренилла, вы – как?..

– Отлично! Вижу, и ты – неплохо! Поработала, говорю, неплохо! – миссис Ренилла носком сапога пнула морду с уже остекленевшими выпученными глазами с доброе яблоко, – В первый раз вижу, чтобы... *Девушка* решила воспользоваться Гатлингом!

– Ух ты... А я и не знала, что это чудовище так называется, – Сэра кивнула на пулемёт, оставшийся за спиной, потому что сама подошла помочь вдруг присевшей на одно колено старушке, – но... Работает эта штука ужасно! Самой страшно!..

Она помогла миссис Ренилле подняться, и отряхнуть колено:

– А что, эта тварь... Она – охотится на нас?..

– Я смотрю, у тебя мания величия... Шучу. – лицо миссис Рениллы исказила гримасса боли. – Нет, этот гаввар охотится не на нас. А – на всё. Что сможет поймать, или одолеть. А вообще, тварей ещё пострашней его, на Лидии немало. Поэтому здесь нет людей – не появились в силу, как сказал бы наш высокоученый мэтр Администратор, – эволюционных причин... И поэтому, кстати, мы и заявили сюда – потому, что никто не увидит! Дай-ка я всё-таки сяду – что-то спину прихватило!

– Простите, что лезу не вовремя, миссис Ренилла... Но – может, нам стоит побыстрее убраться отсюда – мало ли кто ещё!.. – Сэра, чуть задыхаясь, опасливо оглядывала ставшие вдруг такими пугающими дебри не то – тайги, не то – джунглей.

– Хм-м... Устами младенца... Не возражаю! Садись рядом!

Даже мягкость травки, пружинящей под этим местом, Сэру не успокаивала: внутри организма словно еще работал невидимый мотор, заставлявший тело сжиматься-разжиматься, а голову – настороженно вертеться во все стороны.

На этот раз синхронность у обеих оказалась на высоте – словно они всю жизнь пели дуэтом!

– Я здесь и не здесь! Я – везде и нигде! Я – в Авалоне!

И лишь оказавшись на скамье у колодца при «своём» доме, Сэра позволила себе мешком оплечь с неё на мягонькую травку, и потерять сознание.

Благо – сидела. Падать невысоко.

-... да, прошла отлично. Ты что! Видел бы ты, как она распилила мерзкую морду буквально пополам! Я и не знала, что в гавваре столько кровищи... – голос училки.

Она села. Администратор, оказавшийся к ней лицом, чуть повернулся:

– Здравствуй, Сэра! Ну, как ты себя чувствуешь?

Миссис Ренилла, стоявшая до этого спиной к ней, развернулась.

И никакая она оказалась не старушка, а высокая и статная женщина. Комплекцией она, скорее, напоминала певицу Лолиту. В *лучшие* годы. Зато лицо... Чёрт! Да она – настоящая красавица!

Сэра с кряхтением встала, схватившись за протянутую руку:

– Неплохо, спасибо... Так это была тоже... Проверка?

– Точно. Ты уж не обижайся, – показалось ей, или в тоне миссис Рениллы сквозит нечто вроде смущения?.. – Но Ведьма – это не обучение и навыки. Ведьма – это склад характера. Если Ведьма – не боец, не товарищ по оружию, то... Ну, ты догадалась!

– Н-не совсем...

– Переведут на административную работу. – с чуть смущённой улыбкой закончил мэтр Администратор, – Правда, ничего зазорного здесь нет. Просто – не будет «Полевой работы»! А лишь разработка новых Средств, Способов, Зелий, Заклинаний... Ну, и, конечно, ведение летописей, и работа в Архиве! Вот я – проверку боем не прошёл. Зато как учёный принёс – как мне скромно кажется! – куда больше пользы, чем если бы уничтожил лично пару десятков обнаглевших драконов, пяток крэшей, и несколько очередных претендентов на титул «Властелинов Мира»...

– А вы, миссис Ренилла...

– А я очень рада, что мне выпала честь обучать тебя! Нет, обучать-то я тебя всё равно продолжала бы... Но – всё так же в виде беспомощно-немошной старушки! А сейчас хватит победно улыбаться – пора продолжить урок! Ну-ка – в класс!

Только усевшись за стол Сэра смогла справиться со всё норовящим расплыться в ослепительной улыбке лицом, и опустить вниз кончики губ...

Сегодня мэтр Маздок кивнул лишь тогда, когда она без запинки и точно смогла повторить глупо и смешно звучащую и, естественно, от этого сложно произносимую, последнюю в списке, скороговорку.

Хищно ухмыльнувшись, он встал, и взял Сэру за руку.

– Ладно. Будем считать, что Заклятья первого Уровня зазубрены. Отправляемся в Юрольд.

Юрольд оказался покрыт почти непроходимым кустарником, и небо над головой тускло желтело не то закатными, не то – рассветными полутонами. Пахло... Мхом и гнилью. Кусты где-то вдалеке вдруг опасно затрещали – так, словно там передвигается большое стадо... Кого-то. Мэтр, дернув щекой, сердито буркнул:

– Чёрт. Опять Аревики нас унюхали. Ладно. Давай руку снова. Переберемся ближе к берегу.

– Я здесь и не здесь! Я везде и нигде! Я – в Юрольде!

Точно. Они оказались под тем же небом, свет вокруг всё ещё оставался пепельно-жёлтым, только теперь кусты окружали их лишь с трёх сторон. А впереди открывалась ширь серо-зелёного озера.

Но не оно привлекло в первую очередь взор Сэры, а странные руины, развалины, высившиеся от них буквально в десяти шагах. Похоже, здесь когда-то горделиво высилось нечто, напоминавший родовой Замок. Почти такой, как она видала в документальных фильмах про Шотландию.

– Я хотел сделать тебе сюрприз. Чтобы мы вышли по тропинке прямо отсюда, – мэтр повел рукой в сторону проема в кустах, – И ты поняла, что люди здесь всё же жили...

– Мэтр Маздок. Простите за вопрос не по теме: а что с людьми? Они... Больше здесь не живут?

– Верно. Их всех сожрали Аревики.

– Аревики?

– Да. Искусственно выведенные местными «умельца-

ми-генетиками» монстры. Помесь варана и тираннозавра. Быстрые и умные. Кусты для них – рай! Потому что они могут унюхать и догнать тех тварей, что мельче, и медленней их. И расправиться. Сожрать.

И – убежать от тех, кто крупней их. И спрятаться...

Люди никуда не бегали. А когда стали бегать, оказалось уже поздно.

Но – довольно об истории. Если захочешь узнать, как и почему здесь все случилось – зайдешь в Архив. В отдел, где занимаются планетами «Добра». Или ты еще не в курсе?..

– В курсе. Мэтр Администратор рассказал, что они не препятствуют...

– Точно. Вот мы теперь и используем обезлюдевшую планету. Как полигон.

Тебе предстоит проверить твоё... Хм... Произношение. Обычно в полевых условиях у Агентов оно куда как хромает. От волнения. От другого состава воздуха. От сырости. Да мало ли... Короче: даю вводную!

Видишь руины? Сделай их невидимыми людям!

Сэра успела остановить руку на полпути к затылку. Сделай невидимыми?

Ну да, они же как раз это и проходили. Как замаскировать что-либо искусственно построенное. Так, чтобы и оно осталось на месте, и взгляд любого человека, оказавшегося поблизости, не обнаруживал ничего, кроме пустынного берега и чёртовых кустов...

Сейчас. Нужно только сосредоточиться. Вспомнить слова, ответственные за конкретные материалы. И выговорить так, как на занятиях.

– Я, Сэра приказываю: аарто-мортум, буриндос-пару-пумэ. – она запнулась было. – Э-э... Журинтиль!

Руины и правда – исчезли.

Но – не полностью!

У этих паршивцев остались видны полусгнившие деревянные балки перекрытий: чёрные толстенные стволы. Весьма странно – если не сказать больше! – было видеть, как несколько десятков черных бревен висят в воздухе, ни на что, казалось, не опираясь.

– Плохо, – констатировал мэтр Маздок, словно она и сама не догадалась, что «плохо», – камень и известковый раствор учла. А что там нужно сказать для *дерева*?

– Э-э... Упутэ!

Стволы исчезли, зато осталось что-то... Блин – это гнилая труха! И тоже, зараза такая, висит...

– «Упутэ» – это для живых деревьев. А для полусгнивших?

– Э-э... Упутуртэ-э!

Гниль и труха пропали.

– Уже лучше. – в голосе мэтра прозвучало уважение, – Молодец. Запомнила тонкую разницу между «упутурэ» и «упутурэ-э». А то – сейчас убирала бы и белесую плесень, живущую на...

Ладно, молодец. Ставлю зачет. Но – с минусом! Вон: взгляни повнимательней!

Она пригляделась.

Точно! Вот паршивцы! Ползают! Вид перебирающих лапками как бы по воздуху жуков и мокриц немного... Шокировал. И вызывал брезгливость.

– А что делать, мэтр Маздок?! – она четко помнила, что живность они ещё не осваивали.

– Что делать, что делать... Осваивать Заклятия Второго и Третьего Уровней. Потому что первый, самый простой – неживые предметы. Камни, спиленные и умершие бревна, вода... Второй – растения еще живые. Они живы – поэтому будут оказывать... *Как бы* – сопротивление. И нужно будет не подавлять их, а подстраиваться. Научу-научу! – он поторопился кивнуть на ее вопросительный взор, – И, конечно, высший пилотаж: животные. И люди. С людьми сложнее всего. Они обладают логическим мышлением. И нужно, чтоб они не поняли, что их характер, нрав, привычки, внешность – подправлены. Кем-то.

Ну, ладно – это мы что-то уже забегаем вперед паровоза. Вначале – растения!

А сейчас, будь добра, верни руины на место. – он подмигнул, – А то что мы будем «проходить» с очередным курсантом?

Хуже всего оказалось знакомство с предметом Истории

боевой Магии.

Преподаватель его, мэтр, как он представился, Дониёр, больше всего напоминал зануду-химика из того, домашнего, Универса: мелкие черты аккуратно выбритого блестящего лица, гнусоватый голос, пегие кустики словно свалявшихся и пыльных волос, хаотично разбросанные по черепу... Не иначе, как переборщил с какими-то реактивами, брызги которых попали на этот самый череп.

Он и преподавал в той же манере, что и химик: монотонно бубнил, словно заученный наизусть, материал. Может, тоже «архивная крыса», защитившая Диссертацию на обширном материале, собранном другими?.. И знающая только свой, узкий, предмет?

Вполуха слушая что-то про древних халдеев и предков месопотамцев, она изнывала: только бы не уронить отяжелевшую голову на парту!

Вдруг ей пришла странная мысль. Скосив глаза, она чуть развернула голову в сторону от учителя. Прикусила кончик языка. Четко прочла про себя контр-заклинание. Этот способ подсказал только вчера мэтр Маздок: маг должен уметь распознать наведенные кем-то другим чары!..

Чёрт, да что же это за ...! Она прищурилась.

После чего вскочила и молнией вылетела в дверь! (Благо, ту теперь не заедало!)

Вместо занудного ботаника напротив неё сидел, вольготно разваливаясь, и едва помещая массивный чешуйчатый зад в

простенке между стеной и печью, огромный дракон!..

Или это – не дракон? Но, во всяком случае, его метровая пасть, усеянная жёлто-зелёными штырями зубов, уже почти сомкнулась на её голове!..

Против такого даже «гатлинг» вряд ли поможет!!!

Однако ничего путного придумать и «воплотить» не удалось: в проём высунулась мерзкая, и ехидно ухмыляющаяся морда, вполне, впрочем вежливо спросившая:

– Ну что, проснулась? Продолжить сможешь?.. Или всё ещё скучно?

– Я... Вы... Мэтр Дониёр! – она задохнулась от обуревавших её чувств, – Как вам не стыдно так пугать слабую беззащитную девушку! – она почувствовала, что краснеет, и губки сами складываются в обиженную «куриную гузочку», как называла эту гримаску мать...

– Это кто тут слабая девушка?! – она стыдливо потупилась, прикусив губу, чтоб не прыснуть – верно, после случая с гавваром... – Ага, мне тоже смешно.

Раз пулемёт на себе удержала, да ещё и воспользоваться как надо смогла – уже не слабая. И не беззащитная. А если без шуток – мне остаться так? Или... Предпочтёшь образ занудного ботаника?

Сэра смутилась ещё больше. Потом покачала головой. Потом улыбка осветила и её лицо. И вот они с драконом уже ржут так, что из кроны огромного вяза вылетела с возмущёнными криками стая ворон...

– Знаете что, мэтр Дониёр... Давайте обратно ботаника. А то вам вот так, – она развела руки, словно обнимая бочкообразное туловище, видневшееся в дверном проёме, – трудновато помещаться... В комнате. А здесь, снаружи – не совсем удобно мне.

– Ага. Хорошо. Договорились. – он преобразился обратно в человека.

От того, что только что было открыто взору Сэры, остались лишь хитрующие огоньки в глазах, да желтовато-зелёные острые зубы, иногда сверкающие сквозь губы во время лекции...

– А когда ты догадалась, что Лидия у нас тоже вместо Полигона? – миссис Ренилла грациозно вышагивала по пружинящей подстилке из опавшей хвои и ещё не сгнивших листьев. У Сэры, как она ни старалась, столь чудесной походки не получалось, и она чувствовала себя пенсионеркой-грибницей, вышедшей на долгий и кропотливый сбор даров летнего леса...

– Ну... если честно – только после урока мэтра Дониёра. Уж больно он меня напугал! Я тогда подумала, чем бы мне его... А потом подумала, что случись мне встретить такого... Или гаввара, там, дома, мне пулемёт вообразить вряд ли...

А что – не удалось бы?

– Почти. Законы реальных Миров позволяют, конечно, тренированным Магам и Ведьмам высших Уровней вопло-

щать, материализовывать мысли в предметы, или явления... Правда, как любил говаривать хан Шахрияр, приказывая отрубить голову очередной претендентке на звание законной супруги, за всё приходится платить...

Там, у тебя дома, процесс материализации отнимет слишком много – непозволительно много! – сил! (Как пример могу привести такой факт: чтобы забить гвоздь молотком, принесённым с собой, уйдёт в сто тридцать шесть раз меньше энергии, чем если этот молоток вообразить себе там, на месте! Это, кстати, мэтр Администратор рассчитал!)

Всё дело – в сопричастности к реальности... В ощущениях *подсознания*.

Ты же всё равно свой мир ощущаешь как обычный. Привычный. Подчиняющийся раз и навсегда определённым физическим *Законам*! Поэтому никогда так, как в других, даже материальных, Мирах, не расслабишься, сознавая свои силы. А Маг должен работать расслабленно. С удовольствием! Будучи железобетонно уверен! А у себя ты рефлекторно так не сможешь – «Дом» же! Придётся вместо расслабления – концентрировать волю!

И ещё кое-что. Маг, слишком часто использующий магию у себя дома, перенапрягается. Очень быстро стареет. Устаёт, сердится – на себя же, возмущаясь, что подсознание ему... Вот именно. И если он из принципа будет продолжать в том же духе, и не остановится... Или вовремя не переедет в другой Мир – просто... Умрёт.

Как обычный старик: от дряхлости.

– Так, получается, все эти Наговоры, Зелья и Заклинания...

– Совершенно верно. Просто наши *Орудия*, помогающие... Выполнить необходимое. Поэкономней расходуя главное, что у нас, магов, есть – Жизненную энергию.

И – пожить подольше. Сохраняя физическое здоровье и бодрость Духа.

Поэтому, когда мы собираемся что-то сделать, подготовка занимает куда больше времени, чем само дело! Иногда – недели и месяцы!

– А эти... Орудия... Они работают, значит, и в реальных Мирах?

– Да, конечно, я ж тебе всё это только что... Маг, ну, вернее, маг, работающий «в поле», должен быть готов почти к любому случаю – мало ли... Поэтому обычно мы и таскаем с собой суму. – миссис Ренилла похлопала себя по перекинутому через плечо вместительному баулу, – Тут обычно столько всего, что главное – не запутаться!

Поэтому мы, полевые маги – Ведьмы и Ведьмаки – чтоб не терять времени на чтение этикеток, (Знаешь, как ни банально звучит, но – иногда от быстроты действительно зависит жизнь!) и разливаем всё в *разные* по форме бутылочки: квадратные, трёхгранные, круглые, пузатые... Да и цвет: зелёный, синий, серебристый... Ну и так далее!

– А разве мы... не могли бы таскать всё это – уменьшив?

Ну, так, как мне показывал мэтр Маздок?

– Верно, конечно... Можно и уменьшить. Но!

Тогда время и силы будут уходить на увеличение – как всякое физическое явление, любое *преобразование* имеет допустимую максимальную скорость, и отнимают энергию.

Если по-научному – объяснять долго. Ладно, я по-простому. Ну, представь сама, что мириады атомов, до этого снующие в воздухе, должны вернуться на своё место, и придать твоей сумке естественный размер! Вот уж тогда они начнут сталкиваться друг с другом! Всё раскалится! Если делать такое слишком быстро – просто произойдёт взрыв! От перегрева воздуха. Ну, помнишь же, наверное, из школьного курса – хоть что-то по термодинамике?

Сэра даже приостановилась, чуть раскрыв от неожиданности рот.

Вот, оказывается, оно как!..

Даже Волшебство подчиняется Законам физического Мира!!!

А она-то...

Чёрт! Нужно было не сачковать и не пялиться в окно, и не рисовать принцесс на обложках и полях учебников на «скучных и заумных» уроках физики и химии!

Но может... Можно всё это исправить? А то уж больно...

Стыдно.

– Миссис Ренилла... А вот можно как-то повторно пройти...

– Курс школьных предметов? Конечно, можно! Кстати, многие, осознав свою... Хм-м... Скажем так – *забывчивость* – с этого и начинают. Параллельно обычным нашим занятиям. Так сказать, факультативно! Но – об этом – позже. Мы пришли.

Река оказалась не слишком большой – всего-то шагов пятьдесят в ширину. И глубина... не поражала. Сквозь почти прозрачные медленно текущие воды свободно видно дно – в самом глубоком месте вряд ли глубже, чем ей по плечи. Вот уж не половишь тут рыбы – автоматически отметила она.

– Да, рыба тут не водится! – учительница плотоядно потёрла руки. – Это стоило бы дороже самой рыбе... Потому что мы здесь испытываем иногда *такое*... Ну вот как сейчас, например! Давай!

Сэра сняла с плеча нудно бившую её по бедру всю дорогу суму, и откинула клапан. Ага. Вот *оно*. И, действительно, благодаря тому, что оно в берестяном туясе, да ещё и лежит сверху, искать не пришлось.

– Я, Сэра, приказываю тебе, вода реки! Стань вином! – она плеснула что было сил в сторону воды вязкой патокой, содержащейся в ёмкости. Рывок оказался настолько силён, что туяс выскользнул из вспотевших ладоней, и тоже плюхнулся в воду, шагах в пяти от пологого берега, на котором они стояли.

– Проклятье! Отбегай, отбегай! – в голосе миссис Рениллы сквозил если не ужас, то... очень сильное опасение!

Сэра поспешила послушаться, пытаясь понять, что же может случиться!..

Да уж случилось!

Вода в месте падения берестяного короба пошла кругами, затем словно бы остановившимися, и двинувшимися вспять... И вставшими бугром! Под поверхностью что-то задвигалось, задрожало – рябью покрылась вся видимая часть реки... А затем!..

На середине ставшей вдруг кроваво-красной и непрозрачной поверхности возник водяной волдырь, внезапно лопнувший, словно кровавый гнойник! Ну и рожа!

Впрочем, *рожей* это, пожалуй, не назовёшь – уж слишком непривычно выглядит!

Голова, появившаяся из воды, по форме напоминала сердце – во всяком случае две дуги явственно нависали над гигантскими глазами... Зато рот оказался почти во всю ширину «сердца» – шага три! – и, для разнообразия, там не оказалось зубов. Но похоже, что костные пластины, напоминавшие китовый ус, явно позволили бы такой животине неплохо питаться планктоном. Окажись таковой в реке.

– Придётся испарять воду. – будничным, слегка усталым голосом сказала миссис Ренилла, – давай-ка, займись потоком слева – оттекающим...

Сэра, понимая, что сделала что-то не то, быстро и по возможности методично занялась уходящей вниз по течению водой – слова она помнила отлично.

Вот вода остановилась. Вот – начала как бы таять. Вот – обнажается... Уже обнажилось дно, и стала видна странная длиннющая тварюга, пытающаяся уползти, извиваясь, словно омерзительный червяк, вверх по течению, туда, откуда, несмотря на все старания учительницы, продолжала понемногу поступать текущая вода.

Нужно помочь. Но – как? Если она опустит руки, и перестанет тянуть ноту «Ре», вынуждающую воду быть в виде пара, тварь точно так же легко скроется вниз по течению вернувшихся в русло вод! Нет, нужно работать мыслью! И – глазами! Это же – Лидия!

Здесь можно всё!

Мысленно она приказала корягам и корням повывлезать из мокрого топкого дна.

Теперь – к червяку, двигавшемуся, к счастью, на мелководьи не так быстро, как в глубокой воде...

Вот так. Вот так. И вот так! Туловище зафиксировано. Почти.

Да чтоб тебя!..

Монстр-то... Сильнее, чем казался. Он легко разорвал все её пути!

Пришлось поднять в воздух огромный замшелый валун, наполовину вросший в берег у потока, и со всего размаху (Из зенита, от солнца – чтобы нельзя было увернуться, увидев!) треснуть им по сердцевидной башке!

Теперь тварь, хоть и извивалась в десять раз сильнее и

отчаянней, уже никуда не ползла, и миссис Ренилла смогла, наконец, отогнать воду вверх, так, что обнажилось всё дно вокруг монстра.

Пока Сэра всё тянула своё «Ре», тело сердитого червяка оказалось подтащено к берегу причмокиваниями и чуть заметными шевелениями пальчиков, украшенных перстнями, а затем и извлечено на траву и частично обездвижено.

Мисс Ренилла развернулась, отойдя чуть назад:

– Хватит петь! Жги его!

Подумав о документальных фильмах второй Мировой, и зверствах американцев против японцев на островах Тихого океана, Сэра обзавелась ранцем с напалмом за спиной, и ружьём-огнемётом в руках.

Спалить дотла жутко вонявшую и никак не желавшую сдыхать скотину удалось лишь минут через пять. Миссис Ренилла помогала зажигательными бомбами. Кажется, фосфорными. Но действовали они отлично, сразу проплавляя в туловище монстра гигантские сквозные дыры – до самой травы. Более омерзительного зрелища Сэра ещё не видала, и с трудом сдерживала позывы к рвоте, но приходилось терпеть и работать – сама виновата!

Когда они закончили, вместо идиллического зелёного берега остался словно лунный пейзаж – с кратерами в оказавшемся под травкой песке, и чёрно-серой дымящейся поверхностью, покрытой не то сажей, не то – золой.

– Молодец, что не растерялась. Но всё равно – за сего-

дняшнее занятие – три. Потому что не удержала. Теперь, надеюсь, понятно, что делать нужно только то, что нужно делать?

Сэра покивала, сплёвывая мерзкий привкус горелой рыбы, осевший на губах:

– Да, миссис Ренилла. Простите.

Миссис Ренилла криво ухмыльнулась через силу:

– Да ладно уж. Лучше так, чем если бы уронили медный, как одно время использовали, котелок. Тогда нам... Ох.

Сэра не могла не отметить, что колени учительницы выбивали чечётку даже побольше, чем у неё. Вот уж... Наглядный пример того, что можно натворить сдуру!

– И что... Мы поэтому все Зелья делаем и держим в берестяных коробках?

– И поэтому в том числе. А ещё – кора тоже живая, как и кожа костюмов. И обычно ещё усиливает действие... Но – тоже *хочет жить*. И уж если такая кора попадает в *воду*... Сама видела.

– Видела... – Сэра виновато вздохнула. Но не могла удержаться, – Блин. Вино-то так и не попробовали. А я его очень люблю... Я загадывала кагор!

Мисс Ренилла похлопала глазами. Подкатила их горе. Потом поняла – рассмеялась вместе с Сэрой. Хотя, если честно, некоторые всхлипы их смеха Сэре и самой напоминали лёгкую истерику...

Сегодня мэтр Дониёр сходу огорошил её:

– Одевай походную форму! Вот, примерно такую, как моя! Посетим Шадиззар.

Сам мэтр оказался в буро-серых мешковатых шароварах, белой рубаше, бархатной зеленой безрукавке, и сапогах до колена. Ещё и прикрывая всё это сверху выгоревшими до грязной желтизны плащом и... чалмой.

А лицо-то у него... Особенно без дурацких очков... Настоящий китаец!

Ну и она постаралась не сильно отличаться. Даже усы вообразила: уж если быть мужчиной, так обаятельным!

– Так... – после придирчивого осмотра он чуть кивнул, – Теперь – два кинжала. Один – за пояс, другой – в голенище сапога. Угу. И ещё – саблю. М-гм. Возьми и кастет – спрячь за пазухой. Теперь – дубинку побольше... Нет, не такую! – она чуть растерявшись, опустила вниз сучковатую, словно из «Морозко» ухватистую дрыну, – Я хочу сказать – посох, как у меня. С толстым набалдашником. – она преобразовала палку.

А миссис Ренилла-то права – на это уходит время...

– Хорошо. Ладно, будем считать, что готова. И помни – если что – бей первой!

Такая экипировка и предупреждение, конечно, вселяли оптимизм. И радость... От предстоящей «прогулки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.